
Яна Алимова
Сёстры.
Пелагея
Книга 2
Повесть о мужестве, милосердии
и женском счастье, которое
приходит вопреки судьбе
18+

Яна Алимова

Сестры. Пелагея. Книга 2

«Автор»
2026

Алимова Я.

Сестры. Пелагея. Книга 2 / Я. Алимова — «Автор», 2026

Она ушла на фронт вслед за мужем, стала санитаркой и спасла немало солдатских жизней. За мужество и самоотверженность Пелагея была награждена орденом. Но в последние дни войны сама оказалась на волосок от смерти. Ранение оказалось настолько тяжёлым, что врачам пришлось ампутировать ей ногу.В госпитале Пелагея встретила маленькую сироту Настеньку, которая всем сердцем к ней привязалась. Девочку она забрала с собой, надеясь начать новую жизнь в родной деревне. Но дома её ждало страшное известие: на неё пришла похоронка, муж считал себя вдовцом и успел создать новую семью. А их единственный сын погиб на фронте.Не желая разрушать чужое счастье, Пелагея начинает всё сначала. Становится деревенским фельдшером, помогает односельчанам, защищает слабых и отдаёт людям всю себя. Вот только собственное счастье раз за разом ускользает от неё.Но разве судьба может отказать в любви женщине, которая столько лет дарила её другим? В диалогах используется деревенский говор.

© Алимова Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 8
Часть 2 11
Часть 3 14
Часть 4 17
Часть 5 20
Часть 6 23
Часть 7 26
Часть 8 29
Часть 9 32
Часть 10 35
Часть 11 38
Часть 12 41
Часть 13 44
Часть 14 47
Часть 15 50
Часть 16 53
Часть 17 56
Часть 18 59
Часть 19 62
Часть 20 65
Часть 21 68
Часть 22 71
Часть 23 74
Часть 24 77
Часть 25 80
Часть 26 83
Часть 27 86
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Яна Алимова
Сестры. Пелагея. Книга 2

Оглавление
Часть 15
Часть 27
Часть 39
Часть 411
Часть 513
Часть 615
Часть 717
Часть 819
Часть 921
Часть 1023
Часть 1125
Часть 1227
Часть 1329
Часть 1431
Часть 1533
Часть 1635
Часть 1737
Часть 1839
Часть 1941
Часть 2044
Часть 2145
Часть 2247
Часть 2349
Часть 2451
Часть 2553
Часть 2655
Часть 2757
Часть 2859
Часть 2961
Часть 3063
Часть 3165
Часть 3267
Часть 3369
Часть 3471
Часть 3572
Часть 3674
Часть 3777
Часть 3879
Часть 3980
Часть 4083
Часть 4184
Часть 4286
Часть 4388
Часть 4490

Часть 4592
Часть 4694
Часть 4796
Часть 4898
Часть 4999
Часть 50101
Часть 51104
Часть 52106
Часть 53108
Часть 54110
Часть 55112
Часть 56114
Часть 57115
Часть 58117
Часть 59120
Часть 60122
Часть 61124
Часть 62126
Часть 63128
Часть 64130
Часть 65132
Часть 66134
Часть 67136
Часть 68138
Часть 69140
Часть 70142
Часть 71143
Часть 72145
Часть 73147
Часть 74149
Часть 75150
Часть 76152
Часть 77154
Часть 78156
Часть 79158
Часть 80160
Часть 81162
Часть 82164
Часть 83166
Часть 84168
Часть 85170
Часть 86172
Часть 87174
Часть 88176
Часть 89178
Часть 90180
Часть 91182
Часть 92184
Часть 93186

Часть 94188
Часть 95191
Часть 96193
Часть 97194
Часть 98196
Часть 99198
Часть 100200
Часть 101202
Часть 102203
Часть 103205
Часть 104207
Часть 105209
Часть 106211
Часть 107213
Часть 108215
Часть 109217
Часть 110219
Часть 111221
Часть 112223
Часть 113225
Часть 114227
Часть 115229
Часть 116231

Часть 1

Дорога шла круто вниз, Настенька и Пелагея подходили к деревне, до нее оставалось идти совсем немного, вон и крыши домов уже видны: утопают в зелени раскидистых деревьев. Девчушке даже казалось, что она слышит крики петухов, или кочетов, как называли их в этой местности.

— Подожди, Настюша, устала я шибко, давай отдохнем чуть-чуть, — обратилась Пелагея к девочке.

Настя согласно кивнула белоснежной головушкой и присела на пыльной обочине. Девочка очень хотела есть, но молчала об этом. Хлеба у них не было, последний кусок съели вчера, а есть тушенку посреди дороги было не с руки.

«Потерплю, не впервой», — решила девчушка, а вслух спросила:

— А чего ты не садишься?

Пелагея посмотрела на девочку долгим взглядом и ничего не ответила.

Настенька все поняла и поругала себя за глупый вопрос. Как же сядет Пелагея на землю? Как потом подниматься будет, хоть и худая она, а Настя еще худее — не поднять ей ее с земли. Девочка проворно вскочила:

— И я не буду сидеть, коль ты не…

Но не договорила, Пелагея посмотрела на нее строго и коротко бросила:

— Сядь и отдохни.

Потом чуток подумала и более миролюбиво добавила:

— Это только так кажется, что близко. Еще километра два нам идти.

Девочка послушно присела снова. Пелагея скрутила цигарку, закурила, задумчиво глядя на родную деревню. Своей родной она считала Высокое, хотя родилась в Пахомово.

Здесь, в Высоком, она стала женщиной и матерью, здесь познала настоящую любовь и женскую дружбу. Валя, свекровь, была старше Пелагеи лишь на шестнадцать лет, но стали они настоящими подругами. Все делили пополам: и тяжелую крестьянскую работу, и горе, и радость.

Она не знала, что ожидает ее в деревне. На мужа она получила похоронку несколько месяцев назад, его матери, Валентине, написала после этого письмо, но ответа так и не получила. Жива ли? Как пережила смерть сына? Мужа-то своего, отца Егора, она давно схоронила: еще в первую мировую сложил головушку.

Ногу Пелагея потеряла незадолго до победы: разбомбило госпиталь, в который она привезла раненых. Неизвестно сколько пролежала бы она еще в яме, заваленная обломками, если бы не Настенька. Это она ее нашла и позвала деда Федота. Вместе они достали Пелагею из ямы, на женщину было страшно смотреть: грязная, окровавленная, от правой ноги осталось лишь месиво, которое жутко воняло.

Пелагея тихонько постанывала. Как услышала ее Настя?! Загадка.

Девочка бродила по развалинам и искала что-нибудь пригодное для жизни. После взрыва можно было разжиться металлической чашкой или кружкой, чудом уцелевшими от бомбежки. А в самый первый день Настя даже нашла несколько простынок, шинельку и почти целое одеяло! Правда, порванные и совсем грязные, но это не беда. Можно же постирать. И вдруг вот такая находка! Женщина! Живая! Стонет.

Всех последних живых и раненых из разбомбленного госпиталя еще вчера увезли. Да и госпиталем это строение назвать было трудно. Обычная изба.

— Куды ж ее? — спросил сам у себя дед Федот. — Помреть ишть! Эх, и ногу ейную ужо не спасти. А не отрезать ежели, так и саму не уберечь. Ты вот што, Наська, сиди-ка с ей рядом,

а я чичас телегу подгоню. Мы с тобой бабу енту в Гурзовку отвезем. Там госпиталь тожа есть. Давеча Гордей рассказывал.

— В Гурзовку? — переспросила Настя.

Дед кивнул. Настенька покачала головой:

— Далеко! Доедет ли? — с сомнением покосилась она на Пелагею, та была без сознания.

— Спробуем! — твердо сказал дед. — Не бросать жа яе помирать. Живая ишть. Глянь, у гимнастерке она. Ох, горе.

Дед покачал головой, и они с Настей принялись за дело.

———

———

Всю дорогу Пелагея стонала, Настенька смачивала ее губы краешком своей косынки, политым водой, и приговаривала:

— Потерпи, тетечка, потерпи, миленькая! Только не умирай, сейчас приедем, тебя доктора обязательно вылечат. Потерпи…

В госпитале Пелагею уложили на носилки и унесли в операционную.

— Ну што, Наська, давай домой, девка! Ишть молодцы мы с тобою! Довязли живой!

Да только Настя не поехала с дедом назад, осталась в госпитале.

— Ты езжай, деда, а я с ней останусь. Мне все равно, где быть: там или здесь.

Это правда, Настеньке было абсолютно безразлично, где жить. Отец ушел на фронт в первые дни войны. От него не пришло ни одного письма, но и похоронки тоже не было. Мать в сорок четвертом ушла в лес к партизанам, оставив Настеньку на бабку Матрену, которая доводилась Настенькиной матери теткой. Да только бабка вскорости умерла прямо на огороде.

Оставшись совсем одна, Настя не знала, как жить дальше, и пошла в лес, долго бродила, но дошла до партизанского отряда, и там ее ждала ужасная новость. Ее мама погибла на задании. Девочка слезно просила командира отряда оставить ее в лесу:

— Дяденька, я все умею делать, только разрешите мне с вами. Никого нет у меня, одна я. Как же жить мне?

Командир нахмурился, смахнул слезу, но сказал свое твердое «нет».

— Возвращайся в деревню, как-нибудь проживешь. Нельзя тебе с нами. Малая ты совсем. А у нас тут лихо, почитай, каждый день бродит.

Настя вернулась домой и стала жить одна: сажала огород, ходила в лес за ягодой, таскала воду с реки, стирала. Соседка, тетка Василина, давала сала, дед Федот ловил рыбу и подкармливал девчонку. Они с бабкой звали ее к себе, но Настя отказывалась. Девчушка стала совсем взрослой, эдакой мудрой старушкой. Правда, говорила мало, только по необходимости.

Пелагее ногу ампутировали, женщина долго не приходила в себя, Настенька все время была рядом с ней, хотя сначала доктор не разрешил ей остаться и выгнал из палаты.

Настя послушно вышла из госпиталя и села прямо на землю около входа. Доктор увидел ее несколько часов спустя. Он удивился, вышел и спросил у девчушки:

— Ты зачем здесь сидишь? Почему не ушла?

Настенька пожала плечами и ответила:

— Далеко, не дойду.

— Зайди, — коротко бросил доктор, — дам распоряжение, чтобы накормили и одежду выдали.

Настеньку одели как настоящую санитарку и хорошо покормили. Она обратилась к пожилой медсестре с вопросом:

— Как доктора кличут?

— Сергей Иваныч! А тебе зачем?

Но девочка не ответила и отправилась на поиски врача. Нашла она его быстро, госпиталь был небольшой, располагался в старой барской усадьбе.

Сергей Иваныч сидел в маленькой комнатенке и перебирал какие-то бумаги.

Настенька осторожно постучалась и сразу приоткрыла дверь:

— Можно к вам?

— Входи! — пригласил доктор. — Ух ты, какая стала! Настоящая сестричка. Ну как? Покормили тебя?

Девочка кивнула.

— Сергей Иваныч, — начала она несмело. — А можно мне около моей тетеньки побыть?

— Она тебе кто будет?

— Никто, я ее не знаю. И как звать тоже не знаю. Можно?

Доктор снял очки, протер их.

— Вообще-то нельзя, не положено.

Настенька хотела что-то возразить, но врач не дал:

— Но ты же в белом халате.

Настя кивнула:

— И в косынке.

Она улыбнулась и потуже затянула два белых хвостика платочка.

— А потому можно. Там даже есть одна свободная кровать, иди ляг, поспи. Устала, поди, сидеть-то весь день?

— А она жить-то будет?

— Конечно. Только ноги у нее нет теперь.

— Я поняла.

Доктор погладил девочку по косынке и подумал: «Как же так сложилась жизнь, как же мы взрослые допустили, что маленькие девочки понимают то, чего иногда не понимают даже взрослые? Этой малышке надо бы учиться и в куклы играть после школы. Думать о нарядах, и о том, как бы стянуть со стола еще одну конфету или печеньку».

И вдруг после этой мысли о сладком доктор вздрогнул.

— Настя, а ты когда шоколад ела последний раз?

Часть 2

— А что это такое? — удивленно спросила девочка, тоскливо посмотрев на доктора взглядом взрослой женщины, утомленной жизнью.

Доктор растерялся:

— Ну это… как конфеты, такое вкусное, сладкое. Слаще сахара.

— Никогда, — твердо ответила девочка. — Ничего слаще сахара я не ела.

— Как же это?

— А так! — пожала плечиками Настенька. — Может, и ела когда, да не помню. Война началась, я совсем маленькая была. Наверное, ела… папа приносил вкусненькое. А что?

Доктор отодвинул ящик и как фокусник достал оттуда плитку шоколада.

— А вот что! — радостно выкрикнул он. — Специально для тебя берег.

Глазенки девчушки загорелись, став похожими на детские, и она еле удержалась, чтобы тут же не схватить шоколад.

— Обманываете вы меня, Сергей Иваныч! Вы же не знали, что я приду.

— А вот и знал, — развеселился доктор. — А знаешь, что мы сейчас с тобой попросим Семеновну сделать?

Девочка покачала головой, она не отрываясь смотрела на шоколад.

— Чтобы она нам чаю согрела! — торжественно сообщил доктор.

— Я сама! — подскочила Настенька и ринулась в коридор. Она очень смутно, но вспомнила, как отец приносил такие же тонкие и широкие плитки. Мама тут же шуршала оберткой, быстро разворачивала шоколадку, отламывала кусочек и клала Настеньке прямо в рот.

Девочка остановилась и сглотнула слюну! Она абсолютно точно припомнила, как этот мягкий ароматный на вкус ломтик таял во рту, а она тут же протягивала ручки к матери, прося еще… Как давно это было! А было ли?

Через полчаса девочка и доктор пили чай, а еще спустя время, Настюшка лежала на соседней койке с Пелагеей и мирно посапывала. Впервые за долгое время она улыбалась во сне.

Рано утром Пелагея открыла глаза, удивленно осмотрела комнату и сразу смекнула, что она в госпитале.

«Неужели что-то уцелело?» — удивленно подумала она, но очень быстро сообразила, что это совсем не тот госпиталь, куда она привезла раненых.

Пелагея попробовала пошевелить руками. С трудом, но получилось. Левой ногой. Ага, на месте! Правой… жуткая боль пронзила все тело, достала до мозга, и женщина отключилась. Когда пришла в себя, то поняла, что правой ноги у нее нет. Она попыталась приподняться, чтобы увидеть, что от нее осталось, но мало что получалось. Сил не было вовсе. Соседняя кровать заскрипела, с нее вскочила какая-то совсем низкорослая санитарка. «Господи, совсем ребенок. Да что же это?! Девчушка же!»

— Очнулась? — спросила девчонка. — Вот и ладно! Я щас доктора кликну.

— Погоди, — остановила ее Пелагея. — Тебя как звать-то?

— Настей, — представилась девочка. — А тебя?

— Пелагеей меня зови… тетей Пелагеей. Настя, скажи, мне ногу-то шибко отхреначили?

— Нет, не шибко, — соврала девочка.

Ногу Пелагее отрезали почти по колено.

— А-а-а, понятно. Ежели не сильно, то это хорошо. Но танцевать-то не смогу уже?

Настя удивленно посмотрела на женщину.

— Понимаешь, танцевать я очень любила. Мы и с мужем на танцах-то и познакомились, — вдруг неожиданно для самой себя разоткровенничалась Пелагея. — Поженились, сына я родила. Взрослый уж был, а я… прямо перед войной снова… раньше-то никак не получалось.

Хотели, а никак… а тут вдруг… и война… — Пелагея будто вспоминала вслух, как все было вроде еще совсем недавно. Увидев, как Настя удивленно на нее смотрит, замолкла, укорив себя, что вдруг разоткровенничалась перед мелкой. С чего бы?

— Что не получалось? Что снова? — спросила девочка, с интересом глядя на Пелагею.

— Ничего! — отрезала та, еще раз поругав себя за минутную слабость, и вспомнила дикую боль, которую она испытала, когда деревенская повитуха лишила ее ребенка. То, что она пойдет на фронт вместе с мужем и сыном, Пелагея решила сразу, а потому беременность ей была ни к чему. Не сказала она о ней ни мужу, ни свекрови… Не успела. Хотела первого июля сказать, день рождения у Егора был в этот день. Но не пришлось… Первого июля Егор уже был на фронте, а она сама в городе на курсах медсестер.

Сначала ушел муж, за ним сын. Ну а потом уж и сама подалась. До сорок пятого года вынесла более сорока раненых с полей и была награждена орденом Красного Знамени. Ни одного ранения не получила, да что там, не царапнуло ни разу. А за три месяца до победы вот так зацепило, и сразу нет ноги.

«Может, и к лучшему, что Егор погиб, — с тоской глядя на нижнюю часть тела, подумала Пелагея, — как бы ему с такой женой пожилось. Вале тоже ничего писать не стану. Приду домой, и сразу все и всё увидят сами!»

Пелагея отвернулась к стене, слезы градом покатились из глаз женщины, она облизывала сухие губы, чувствуя соленый вкус горя.

Женщина быстро шла на поправку. Настенька все время была рядом, помогала во всем. Долго решалась Пелагея написать свекрови, да так и не решилась. Зачем? Придет домой, Валентина сама все увидит. Писать о чем-то другом Пелагея не могла. О чем? Жизнь словно потихоньку утекала через рану, хотя она хорошо заживала.

Настолько хорошо, что даже Сергей Иваныч отметил:

— Ну что, милая, еще недельку, и домой!

— Нет, — твердо сказала Пелагея. — Пока война не кончится, никуда не уйду. Хоть режьте меня…

— Да мы тебя и так порезали. Не поло…

— Я и на одной ноге вам зажим и тампон подать смогу, — перебила Пелагея. — Вам что, умелые руки лишние? Я всю войну санитаркой прошла. Вы не думайте, я сильная: до войны на ферме работала. Не смотрите, что худая и мелкая. Телят я поднимала легко. Никто не мог из баб, а я — так запросто. Не пойду домой. Вот закончится война, тогда и прогоните. Тогда и сама уйду. А сейчас — нет.

— Да пойми ты… — встрял доктор.

— Ничего не хочу понимать. Мне бы костыли только.

— Да есть костыли, — махнул рукой на упрямую бабу Сергей Иваныч, — учти, только до первой проверки.

Пелагея улыбнулась и порывисто обняла доктора.

Так стала она работать бок о бок с ним. О том, что именно Настя спасла ее, она знала, сестрички рассказали, но никогда не говорила об этом с девчушкой. Не умела Пелагея быть ласковой, нежной, а может, и умела когда-то, да забыла, как это бывает.

Частенько вспоминала она свою покойную мать Прасковью, та умерла, рожая последнего ребенка. Ходили слухи, что отдал отец, кузнец Прохор, его повитухе, а кому и куда она снесла ребятенка, никто не знал. Повитуха о том молчала, знала свой грех.

Потом Прохор привел в дом девку Аксинью, но та не стала ни матерью, ни мачехой осиротевшим ребятам. Была словно служанка в избе да ночная утеха кузнецу. Двигалась бесшумно, говорила мало, глаза держала всегда в пол, ребят не голубила и не ругала. Но в избе было чисто, хотя ничего она не заставляла делать старших девчонок Пелагею и Дуню, со всем справлялась сама. Но девчонки, приученные к труду сызмальства, хорошо знали свои обязанности и

после смерти матери исправно продолжали их выполнять: пололи огород, убирали избу, смотрели за мальцами Кирьяном и Соней. Их не нужно было просить или подгонять. С тех пор сердце Пелагеи стало черстветь потихоньку, и даже крепкая любовь Егора и рождение сына не смягчили его. Когда Пелагея получила похоронку на восемнадцатилетнего Петеньку, то жизнь вообще померкла для нее, и похоронка на Егора прямо перед тем, как сама попала под бомбежку, была воспринята почти спокойно. И без того затвердевшее без любви сердце стало просто шершавым куском гранита.

Так незаметно пролетело три месяца. Наступил май сорок пятого. Победу отпраздновали шумно: стреляли в небо, обнимались, целовались, выпивали.

Десятого мая Сергей Иваныч вызвал к себе Пелагею:

— Победа! Наша победа! Не смею больше тебя задерживать. Ступай домой! — доктор снял очки, протер их, низко опустив голову, словно пряча глаза.

Пелагея же, напротив, смотрела на него прямым взглядом.

— Уйду, Иваныч. Ты теперь и без меня справишься. Не будет больше в твоей жизни столько больных и столько операций.

Развернулась и тяжелой походкой, громко ударяя об пол костылями, ушла из кабинета доктора.

Часть 3

Зайдя в комнатенку, где спали они вместе с Настей, принялась укладывать свои вещи в мешок. Да и немного их было: смена белья, расческа, у Пелагеи были шикарные волосы, так и не решилась она их отрезать. Как вши ни разу не завелись? Загадка!

Вошла Настенька и, конечно, сразу все поняла.

— Домой? — еле слышно прошелестела девочка.

Пелагея кивнула и принялась неистово возиться в вещмешке, будто искала что-то.

Настюша посмотрела на Пелагею долгим взглядом грустных глаз василькового цвета и прошептала взволнованно:

— А мне некуда. В деревню незачем. Неужели всю жизнь в госпитале жить?

Пелагея вдруг отшвырнула мешок и порывисто обняла девочку неумело и грубовато.

— А со мной пойдешь? — без тени нежности спросила она по-деловому.

Настя вскинула на нее свои глазенки, в которых в один миг появились слезинки.

— А можно? — замирая спросила она.

— Раз зову, значит, можно, — сурово ответила Пелагея, взяв в железный кулак эмоции, — собирайся давай, немедля уходим. Хватит, отвоевалась, мирную жизнь надо восстанавливать. Вся страна в руинах и слезах.

— У меня ничего нет, — прошептала девочка. — Ты же знаешь, я с тобой на телеге приехала… в чем была…

Пелагея погладила ее по волосикам и попросила:

— Тогда возьми мой узелок, и пойдем.

Да не тут-то было!

По небольшому госпиталю моментально прошел слух, что Пелагея собирается домой, а уж когда все узнали, что и Настюшка уходит вместе с ней, то все высыпали во двор: медсестры, санитарки, бойцы, Сергей Иваныч тоже вышел.

Пелагея растерянно смотрела на людей. Каждый норовил ее обнять, сказать слова благодарности, подбодрить. Все что-то совали ей и Настеньке: кто краюху хлеба, кто банку тушенки, кто мешочек с табаком, кто сахарок.

Настя торопливо складывала все в узелок. Пелагея не позволила себе выпустить наружу ни единой слезы, Настюшка плакала навзрыд.

Сергей Иваныч стоял немного в стороне и курил.

Пелагея закрыла глаза, и слезы конечно же предательски выкатились. Но это ничего, бывает. Она смахнула их и согнулась в поклоне так низко, насколько смогла, затем повесила вещмешок за плечи, и пошла, неистово ударяя костылями об землю. Настенька подхватила узелок и засеменила вслед.

Трудно и долго добирались до Высокого. Где на поезде в теплушке ехали, где-то на полуторке, но чаще пешком. Тяжело было Пелагее, в подмышках так саднило, что даже уже и боли не чувствовала: просто онемело все. Но женщина не жаловалась, а, сцепив зубы, шла и шла вперед. Лишь изредка, когда казалось, что сейчас упадет замертво от боли и усталости, она просила Настеньку остановиться и немного отдохнуть. Девочка вроде как и не уставала совсем. Она не ныла, не плакала и никогда не просила есть или пить.

В ней Пелагея узнавала себя, малолетнюю Палашку, которую никто не любил и не замечал. Жила себе и жила, не зная о таких радостях жизни, как ласка, нежность, забота. Пока была жива мать, этого тоже не хватало. Шутка ли, семеро ребят.

Ей иногда нестерпимо хотелось прижать Настеньку, приласкать, но она, сама не зная почему, останавливала себя, и лишь гладила девочку по головке, туго затянутой в косынку, и прижимала к себе. Проявлять ласку и заботу — было страшно.

— Ничего, Настенька, ничего. Как-нибудь! — все время повторяла Пелагея.

Настя молча кивала и шла вперед.

Ночевали почти всегда где-нибудь на станции. И лишь один раз удалось переночевать в избе у приветливой женщины Прасковьи. Когда она сказала свое имя, Пелагея вздрогнула.

— Куды путь держитя? — спросила хозяйка.

— В Высокое! — ответила Пелагея.

— Ой, далеча ишшо вама! — покачала головой женщина. — Ну я вама у сарайке постЕлю налажу. У хате — негдя. Мужик у мене и робята, самя кой-как живем.

Было видно, как рада женщина, что ее муж вернулся с фронта живой и невредимый.

Пелагея согласно кивнула.

— А вечерять у хату идемтя, с намя будятя, — пригласила Прасковья.

Пелагея, услышав знакомый говор, поняла, что недалеко уже они от дома, хоть и говорит хозяйка, что далече.

Зайдя в хату, Пелагея выложила из узелка две банки тушенки и кусок сахара. Дети как завороженные уставились на него, не смея взять, хотя очень хотелось.

— Не серчай, хозяйка, больше ничего нет, — извинилась Пелагея.

— Чавой ты, чавой? — замахала руками Прасковья. — А ну сховай свое. Вама ишшо итить долга. Вона девку свою покормя, а чичас мое исть давайтя.

Прасковья выставила на стол полный чугунок картошки, чашку соленых огурцов, немного хлеба, крупно порезанное сало.

— Давайте-ка вы сперва, — радушно предложил муж Прасковьи, здоровый, плечистый мужик Иван.

Но Пелагея достала нож и решительно сильным ударом по-мужицки открыла обе банки.

Иван уважительно наблюдал за действиями гостьи.

После ужина он вышел покурить, и Пелагея с ним. Настенька сразу пошла на сеновал, намаялась девчушка, легла и моментально уснула.

— Воевала? — глубоко затянувшись, спросил мужик.

— Нет, санитаркой, — коротко ответила Пелагея.

— Значат, воевала, — припечатал Иван. — Ох и досталось жа вашему брату! Больша нас вы лиха-то хлебали.

Ногу иде потеряла?

— Под Гурзовкой.

Мужик кивнул. Знаю, мол.

— Мене тожа с поля такая как ты выволокла, а сама… погибла. Почти доползли ужо. Эх, горе. Нас потома бригада подобрала.

Ты слышь-ка, благодарствую я тебе. Прими земной поклон ото всех нас, солдат и охвицеров, которых вытянула ты! У смертушки отобрала.

Иван поклонился в пояс.

— Тебе спасибо! — поблагодарила и Пелагея. — Тебе, советский солдат! Что отстоял нашу землю, не отдал фашисту на растерзание. Спасибо за мир! — и Пелагея поклонилась солдату.

— Ох, и шибко оне потерзали нас! — мужик покачал головой.

— Иди у сарайку, давай. Ишть девчонка твоя ужо спит, поди. С фронту ведешь? Мотрю, большая! Не успела бы ты яе сродить на войне.

— Правильно думаешь, с фронта веду. Сирота Настенька, а у меня сын погиб, своих-то уж поздно рожать, сорок лет мне. Старая. Да и не от кого, муж тоже погиб.

— Скажашь тожа! Старая! — протянул мужик. — Ничавой не старая. Моя — вона чижолая. Сорок два ей намедни исполнилосси. И ничаво.

Пелагея улыбнулась, и мужик увидел, какое доброе у нее лицо.

— А я тожа с мальчонкой домой явилси. Усю дорогу думал, как моя-то, чавой скажать? Приметь ли? Ох и горевал я, а она справныя баба у мене. Сразу у баню нас затолкала, — Иван усмехнулся, — эх и вшивыя жа мы были! Месяц, однако, шли домой. А потома мальчишку приголубила, он прижалси к ей, ревет… — Иван махнул рукой и отвернулся.

— А где жа пацан к тебе прибился? — спросила Пелагея, закуривая еще одну цигарку. Ей не хотелось уходить спать, хотя усталость брала свое, ампутированная нога гудела нещадно, подмышки горели огнем. Но Пелагея блаженствовала, разговаривая с мужиком, впитывая каждое слово родного диалекта. За время учебы и за годы войны утратила она свой говор, а ведь тоже был он. Мужик-то вон, почти сохранил.

— Пацан ентот, Максимка, вещмешок у мене в Гомеле утащил, — мужик рассмеялся. — Побежал, а силов-то нема, шинелка на ем болтаетси, мешаетси. Споткнулси, упал, в шинелке своей запуталси. Ну я яво и настиг, а он смотрить на мене: «Дяденька, тольки ня бейте», по-нашескому лопочет. Я яво: «Откудава ты?», а он мене, из Бурнава! Я говорю: домой хошь? А он мене: нету дома мово. От так.

— А ты? — заинтересованно спросила Пелагея.

— Ежеля хошь, то снова у тебе дом будят — говорю яму. Пойдешь у мою деревню со мной? Ой, Палаша!

Пелагея вздрогнула, так ее давно никто не называл.

— Кинулся он к мене на шею и орет прямо в ухо: «Дяденька, а ты ня брешешь? Точно мене к себе возьмешь?»

— Да, сколько их сирот, детей войны в шинельках с чужого плеча… Ладно, хозяин, пойду и я на покой. Хороший ты мужик! Справный! — улыбнулась Пелагея, и Иван снова увидел будто свет полился от нее.

Утром Пелагея и Настя ушли из деревни еще до восхода, и ближе к вечеру почти дошли до родной, осталось совсем немного.

— Ладно, Настенька! Пойдем, дотемна дойдем.

Пелагея выбросила окурок и снова двинулась вперед.

Часть 4

Сзади раздался характерный звук, Пелагея обернулась: ехала телега, возницей сидел старый дед Тимофей. Пелагея сразу узнала его и вспомнила случай. Когда началась война, он тоже пришел на пункт сбора, да еще и со своей винтовкой.

Председатель сельсовета удивленно посмотрел на него:

— А ты, дед Тимоха, далеко ли собрался? Да еще и с винтовкой.

— Ты мене тута комедию ня ломай! — строго осадил дед председателя. — Ишть фрицы опять на нас полезли, снова бить их пойду.

Телега поравнялась с Пелагеей и Настей.

— Здорово, служивая, и ты, малая! — радостно приветствовал дед путников. — Вы кто жа такия будяте? Мать честная! Палаша! — обомлел дед, приглядевшись.

Пелагея посмотрела на деда радостно:

— Здорово, дед!

— Ты ли это?! Свят, свят! Дед трижды перекрестился и уставился на культю.

— Я это, я! Ну немного неполным комплектом. Так зато девку какую веду с собой! А? Глянь!

Но дед словно не обратил внимания на слова Пелагеи.

— Палаша, ты, енто… схоронили мы тебе вроде как!

— Это как же?

— Так похоронка на тебе пришла Вале…

— Как похоронка?

Дед развел руками.

— От так! У апреле вродя ишшо…

— Ну уж прости, дед! Живая я, видишь? — хитро улыбнулась Пелагея.

Настенька испуганно наблюдала за происходящим.

Дед вдруг опомнился, да как заорет:

— Пелагеюшка! Милушка ты моя, а ну давай у телегу садися! Радость-то какая! Радость! И ты, малая, садися! Давай-давай, подсоблю.

Дед засуетился, сложил в телегу узелок и вещмешок. Он все время что-то приговаривал, да только Пелагея будто и слышала и нет. Она блаженно улыбалась. Как было приятно увидеть своего, родного, деревенского!

Пока ехали в Высокое, дед Тимоха все время рассказывал про жизнь во время войны. Из его рассказа Пелагея узнала о тех, кто уже не придет никогда, и о тех, кто вернулся, но так же как она: кто без ноги, кто без руки, а кто и без обеих.

— Ишть, Палаша, как хорошо, што вернуласи ты! Ну и што без ноги! Многия, многия бабы усе бы отдаля, штоба ихния мужаки пришли живыя, пущай и без ног. Он шумно вздохнул и закурил.

Когда въехали в деревню, Пелагея обратилась к Тимофею:

— Здесь нас, дед, оставь. Недалеко уж до избы. Отдохнули мы, благодарствуем, — она поклонилась так низко, как смогла, — сама хочу пройти. Настя, слезай.

Медленно пошли по деревне. Во всех избах призывно горел свет в окнах, люди вечеряли. Пелагея с удовольствием вдыхала аромат луговых цветов, перемешанный с запахом кислых щей и хлеба. Кое-где топились баньки. Запах дыма приятно дополнял деревенские ароматы.

Пелагея остановилась, сделала, глубокий вдох, поклонилась:

— Здравствуй, земля моя, матушка. Вот и свиделись. Не чаяла я, что вновь пройду по местам своим. Пусть не обеими ногами шагаю, зато живая. На колени бы встать, да не серчай! Не могу! — Пелагея махнула одним костылем, словно извиняясь.

К дому Валентины подошли с задворок, женщины не было видно. Пелагея привычным движением открыла калитку, зашли в огород. Ровными рядками росла морковка, зеленела кудрявая капуста, а вот и так любимая Пелагеей свекла. Ее всегда сажали много. Пелагея радостно отметила, что и сейчас посажено немало.

Валя будто почувствовала, что гости к ней идут, вышла зачем-то во двор, словно подтолкнул кто. Увидев сноху с девочкой, вскрикнула, закрыла рот руками, рванула к ним, обняла обеих, расплакалась.

Пелагея долгое время, почти с самых первых дней войны не могла проглотить твердый, колючий комок, который все время стоял в горле. Егора проводила, не уронив ни одной слезинки, также и сына…

А вдруг, увидев свекровь, проглотила и разрыдалась громко, надрывно, как раненый зверь.

Настенька плакала беззвучно, прижимаясь к Вале худеньким тельцем.

— Как жа, Палаша! Как жа енто? Я ведь похоронку на тебе получила.

— Валя, так ежели бы не она, — Пелагея погладила Настеньку по голове, — и не увидела бы меня уже никогда.

— А кто жа енто нам будят таперича? — сквозь слезы спросила Валентина и погладила девочку по мягким светлым волосикам.

— Дочка моя, — задыхаясь от рыданий, выговорила Пелагея.

Настенька подняла глаза на нее.

— Как жа кличуть тебе? — спросила Валя.

— Настенька, — прошептала девочка.

— Ничего, еще поживем! — всхлипывала Пелагея. — А то как же? Только ногу фрицы оттяпали, а руки-то на месте! Ими жизнь и построим.

— Сердцем ишшо надоть! — подсказала Валентина, утирая слезы огромным бесцветным платком, который стянула с головы. — Давайтя у хату! А Егор…

Валя опустила голову.

— Знаю, — прервала ее Пелагея.

— Да откудава жа? — ахнула Валентина.

— Получила тоже.

— Чавой получила?

— Похоронку, — промолвила Пелагея.

— Палашенька… дочка, ты токма ня волнуйси. Жив жа Егорка наш.

Пелагея вскинула на свекровь глаза, схватилась за сердце.

— Как жив? — выдохнула она. — Где он?

— Палашенька, мы жа на тебе получили похоронку в начале апреля ишшо, а он в январе пришел, — Валя опустила голову. — Контуженый, комиссовали яво.

— Где он? — снова глухо повторила Пелагея, уже все поняв, слезы катились по щекам.

— Палашенька, пришел он… а тут бабы… по четыре года мужиками не мятые… а потом и похоронка на тебе… он ужо и открыто стал с ей…

Страшная догадка тут же осенила Пелагею.

— С Анфиской? — коротко спросила.

— С ей, — кивнула Валя и закрыла лицо руками. — Чижолая она ужо… к ноябрьским родит.

Пелагея машинально полезла в карман гимнастерки, вынула кисет, медленно трясущимися руками скрутила цигарку, прикурила.

Настенька испуганно смотрела на растерянную Валю и на вмиг постаревшую Пелагею.

— Оно, может, и к лучшему, — проговорила Пелагея. — Как ему с одноногой-то бабой, когда вокруг здоровых да молодых девок полно. Валь, мне ведь сорок намедни исполнилось.

— Помню, Палашенька. Вспоминали мы тебе в ентот день, бабы приходили. Эх, кабы знать, што ты живая в ентот момент. Пошто ня писала ты мене, звездочка моя?

— О чем писать, Валя? А вот почему Егор не написал мне? Ведь ни одного письма я не получила после похоронки…

— Ой, Палаша, ня знай. Вроде писал. А с похоронкой што натвориля, што натвориля! — Валентина печально покачала головой, машинально повязала платок. — Айдате у хату, чавой мы на дворе топчимси? Чичас баню протоплю. Чичас помоетесь хорошенечко!

Валя пошла в хату, Пелагея и Настенька потянулись за ней.

— Погиб Егор Петрович Хворостенков из села Высокино, — тихо вымолвила Валентина. — А нашева токма контузило, худо слышит до сей поры. Орать надоть.

— А как же тот Егор? Ждет, поди, его мать иль жена?

— Ездил Егорка в Высокино. Никто ево ня ждеть, — Валя трижды перекрестилась. — У нас фрицев ня было, а в Высокино стояли они, а потома сожгли полдеревни, када убегали. Нету хаты Хворостенковых, пожгли людей, ироды!

Валентина снова перекрестилась и закрыла лицо руками.

— Палашенька, што жа деется-то? Цельный род выкосили, нету людей, как ня бывала.

— Валь, живой твой сын, и хорошо. А ты… давай баньку нам. Мы вчера на сене в сарайке ночевали, не знаю, чего там могли насобирать.

Валя вскинула взгляд на Пелагею и зачастила:

— Чичас, чичас. Переодетьси жа нада. Твоево-то полно у мене, а в чаво жа мы девку наденем? Либошто твой старый девичий сарафан ей пойдет?

Через пару часов чистые, гладко причесанные бабы и Настенька сидели в избе за столом. Девчушка уплетала за обе щеки кашу с молоком, а бабы хлебали щи.

— Ох и вкусно! — жмурясь от удовольствия, проговорила Пелагея. — Только ты теперь со свеклой вари. Помнишь же, как люблю я ее.

— Ох, помню, Палашенька, как ня помнить. Потому и насажала снова, хотя и знала ужо, што ня придешь ты и ня поешь яе.

Валя снова заплакала.

— Ну будет! — строго прикрикнула Пелагея. — Будет, — повторила миролюбиво. — Здесь я, вот она я!

Она обняла Валю и улыбнулась Насте, девчушка тут же подскочила и прильнула к женщинам.

Часть 5

Пелагея тоскливо посмотрела на пустое место рядом с собой, понимая, что никогда больше не будет сидеть рядом с ней ее муж Егор. И не потому, что погиб он, верный воинской присяге, в бою за социалистическую родину, как было написано в похоронке, а просто сидит сейчас справа от другой бабы, которая носит под сердцем его ребятенка.

— Валя, есть самогон у тебя? — неожиданно для самой себя спросила Пелагея.

— Как ня быть? Есть, канешна, — испугавшись, ответила Валентина.

— Давай выпьем за мою погибель и за мое воскрешение. За погибель и воскрешение моего мужа! Теперь уж бывшего.

— Палашенька…

Пелагея стукнула кулаком по столу:

— Все, хватит! Забыли! Неси самогон.

Настя подпрыгнула от страха.

— Чичас, чичас! — зачастила Валентина, юркнула за занавеску и появилась снова в обнимку с большой бутылью мутной жидкости.

— Палаша, а ты ня увлекаисси ишть?.. — но не успела договорить, Настя проговорила еле слышно:

— Тетка Пелагея в госпитале ни разу не выпила, хотя все там пили, спирту много. А сейчас надо ей, баба Валя! Налейте. Не пьет она, вы не думайте. Хорошая она.

— Ты жа моя миленькая! Моя родненькая! — Валя поставила бутыль на стол и порывисто прижала к себе Настю, поцеловала в светлые, мокрые волосики.

Рано утром Пелагея вышла во двор и увидела Егора, он сидел на скамейке и курил. Видно, мужик пришел давно, жестянка из-под тушенки была полна окурков.

Увидев Пелагею, он вскочил, кинулся на колени, прижался головой к животу жены и зарыдал. Он что-то говорил, но слов было не разобрать.

Пелагея смотрела на своего любимого мужа и вспоминала: сотню, тысячу раз представляла она, как они встретятся после войны, если останутся живы! На обоих получила Валя похоронки, но оба живы. Встреча состоялась. Но так ли, как она хотела? Всю ночь думала Пелагея об этом: что скажет ей Егор, что ему ответить? Как жить дальше в одной деревне?

И вот он стоит перед ней на коленях, крепко обхватив руками. Пелагея почувствовала его тепло, его сильные руки, все задрожало внутри у бедной женщины. Когда же они любили друг друга последний раз? Двадцать четвертого июня 1941 года.

Егор тогда обнял ее крепко-крепко и прошептал:

— Как жа я буду без тебе, Палашенька? Милая моя!

И он целовал ее, всю целовал, каждый миллиметр ее тела. Как давно это было, в другой жизни…

— Встань, Егор, — прошептала. — Не надо… никто не виноват… война только. Да кончилась она! Новую жизнь надо строить. У тебя она уже началась, совсем новая, с чистого листа, а я свою начну… сама, без тебя… начала уже…

Вышла Настенька, вздрогнула, видно, испугалась.

— Тетка Пелагея…

— Ничего, Настенька, не бойся, это дядька Егор, сын бабы Вали.

Егор удивленно посмотрел на девочку, медленно поднялся с колен.

— Кто енто?

Пелагея не стала отвечать на его вопрос, а лишь сказала:

— Проводила я тебя, Егор, двадцать пятого июня сорок первого. Попрощались мы! Будем считать, что навсегда.

— Палаша…

— Егор, не надо, не рви себе сердце.

— Не серчай на мене…

— Иди, Егор!

— Палаша, а можат…

— Нет, не можат…

В тот же день Пелагея пошла к председателю сельсовета Степану Игнатову.

— Пелагея Хворостенкова прибыла на трудовой фронт, — сообщила по-солдатски и честь отдала, резко прижав и откинув ладонь от пилотки. От этого движения один костыль упал.

Степан вскочил, поднял его, передал Пелагее, обнял ее:

— Палашенька, милушка! Да какая жа ты молодец!

— Сколько коммунистов у нас? — спросила она, не позволяя себе расслабиться.

Председатель растерялся, но ответил:

— Двое: я и Мирон, он на фронте вступил.

— Трое теперь, я еще. Тоже вступила в окопе. Давай-ка ячейку будем организовывать, работу партийную надо налаживать. Есть еще желающие стать коммунистами?

— Да, трое… хорошо… можна ужо. Ня знай, ня задумывался.

Степан был растерян и удивлен! Как же ему, мужику, не пришла такая идея в голову? А ведь он председатель сельсовета, в войну партизанил и был командиром отряда. Он с глубоким уважением посмотрел на Пелагею, оправил гимнастерку:

— Молодец, Пелагея, — похвалил женщину снова, — токма пришла, а ужо дело говоришь. Покумекаем давай.

— Ставь меня на работу куда-нибудь прежде всего, а потом и кумекать станем.

— Пелагея, да куды ж тебе…

— Ты не гляди, что без ноги, — перебила его Пелагея, — руки да голова на месте. Давай думать, куда меня.

— Ты жа у нас до войны-то телятницей была… да как жа таперича?

— Так же, как и раньше. Пойду на ферму, найдется там дело для меня.

— Ну гляди, иди конечно! Там чичас Авдотья Васильна всем управляет. Давай к ей. Кажи, председатель добро дает.

Пелагея коротко кивнула и громко ударяя костылями об деревянный пол, вышла из избы и направилась на ферму.

Деревенские выходили ей навстречу, здоровались, многие обнимали, а некоторые даже кланялись и крестили Пелагею.

Фронтовичка со всеми здоровалась, слегка улыбалась.

Почти дойдя до фермы, она нос к носу столкнулась с Анфисой, зазнобой Егора, молодой красивой бабой, двадцати пяти лет.

Она живо вспомнила, как в сороковом году отмечали ноябрьские праздники в актовом зале школы. Пелагея тогда была после смены, которая выдалась очень сложной: сразу несколько коров вздумали телиться. Она тогда тихонько шепнула мужу:

— Егор, ты оставайси, а я до хаты пойду. Устала шибко.

Егор беспокойно поглядел на жену:

— Чавой ты, чичас танцы начнутси…

— Нет, не до танцев мене нынче. Пойду я, Егорушка.

А уже утром, придя на ферму, она удивленно отметила, как бабы перешептываются между собой, искоса поглядывая на нее. Пелагея всегда была прямой, не любила сплетен.

— Бабы, чавой енто вы? А ну-ка, выкладывайте: чавой шепчетиси?

— Палаша, да вчерась твой Егорка с Афиской весь вечер проплясал, и с ей жа ушел…

Пелагея вспыхнула, жар обдал все нутро, бросился в лицо. Она попробовала не подать виду, но ничего не получилось, и слезы брызнули из глаз. Бедная женщина развернулась и быстрым шагом вышла из коровника.

Намедни, придя вечером домой, она сразу легла и моментально уснула. Во сколько пришел домой муж, и пришел ли, она не знала. Проснувшись раньше петухов, увидела, что Егора уже нет, не удивилась. Такое часто бывало, муж уходил раньше ее.

Постояв несколько минут на улице, прижавшись горячим лбом к прохладной стене, а успокоившись, вошла в коровник и твердо сказала:

— Бабы, видели вы чавой-то акромя тово, што плясали и ушли месте?

Бабы переглянулись, ни одна ничего не ответила.

— От и я ничаво ня знай. А потому давайте работать, бабы.

Доярки и телятницы пожали плечами и принялись за работу, но перешептывания, конечно, не прекратили. К вечеру они превратились в захватывающую историю о том, как Егор и Анфиска после танцев пошли на сеновал и там предались яростной любви, и теперь Егорка Хворостенков уйдет к молодой Анфиске.

Но Егор, как ни странно, вечером пришел домой, и все последующие вечера он тоже возвращался в родную хату.

Однако слухи по деревне о тайной любви между ним и красавицей Анфисой Дегтяревой ползли до самой войны.

Когда Пелагея провожала Егора на фронт, молодка тоже пришла к сельсовету, хотя провожать ей было некого. Ее отец помер давно, лет пять назад, братьев не было, а все сестры младше нее. Замужних не было, значит, и зятьев тоже не было. Но Егор ни разу не взглянул в ее сторону, а Пелагея видела, что она ловила его взгляд.

И вот она — молодая, красивая, здоровая со слегка выпирающим животиком, идет ей навстречу.

Часть 6

— Пелагея… — начала она.

Пелагея покачала головой, давая понять, что разговора не будет и, не останавливаясь, пошла дальше.

— Палаша, прости мене. Люблю я ево, давно, усю жисть люблю. Сильно, Палаша. Прости, прости мене… — кричала ей вслед Анфиса.

Пелагее хотелось развернуться и заорать:

— А я? А я? Ты думаешь, я его не люблю? Или это не я прожила с ним почти двадцать лет? Или это не я провела с ним тысячи страстных ночей, благодаря Бога, что он дал мне такого мужа? Или это не он смягчил мое загрубевшее сердце, душу круглой сироты, не умеющую любить? Или, может, это не я, а ты лечила его и таскала на себе, когда его чуть бык не покалечил, это, может быть, тебе, а не мне, его мать — лучшая подруга? Да что там подруга, она мне все: и мать, которой у меня не было, и отец, который есть до сих пор, да не нужна я ему.

Но ничего не стала она говорить, тем более кричать, а проглотила все слова и все чувства и пошла дальше.

— Прости мене, — еще раз громко и протяжно завыла Анфиска срывающимся голосом. — Чижолая я!

А вот тут Пелагея не вытерпела, развернулась и выплюнула:

— Тяжелая, говоришь? Семья, значит, у тебя — это хорошо, Анфиска! Хорошо! Нужны дети нам. Ох как нужны!

Война-то много мужиков побила да баб, таких как я. А вы рожайте, правильно, Анфиска. Рожай. Молодец ты!

Развернулась и пошла дальше…часто-часто глотая и остервенело втыкая костыли в землю.

На ферме Пелагею приняли как родную. Хотя многих она не узнавала. Новое поколение девчонок уж выросло. Тем, кому было двенадцать лет, когда она уходила на войну, исполнилось шестнадцать. И вот они — молодые, здоровые, сильные, готовые жить и рожать. А от кого?

Пелагея поняла, что мужиков в деревне — раз, два и обчелся. Оно и понятно, не сама ли она видела кровавое месиво из тел на полях боев, когда ползла после битвы и искала среди этой жути того, кто чудом остался жив?

— Ты чья же будешь? — обратилась она к светловолосой девушке, очень похожей на ее Настеньку.

— Я Андрея Волошина дочка.

— А Андрей?

— Погиб батька ишшо в сорок третьем.

— А ты? — спросила еще у одной миловидной крупной рыжеволосой красавицы.

— Я Марфа, дочка Григория. Погиб в сорок втором.

Девушка сразу поняла, что Пелагея будет спрашивать, и ответила сама.

— А я Анисья, — не дожидаясь вопроса, проговорила еще одна девушка, — мой батька пришел с войны в сорок четвертом… без ног.

Пелагея кивнула, говорить было трудно, снова подступили слезы. Женщина ругала себя: всю войну не плакала, и вдруг столько слез за два дня. «Нет, так нельзя!» — попыталась она остановить себя мысленно.

— Ну што, Палаша, ишши сама себе работу. Усе ты тута знашь, ня впервой тебе, — полная добродушная женщина Васильевна погладила Пелагею по спине.

— Благодарствую, Васильевна. Освоюсь, думаю, что получится у меня что-нибудь. Телят принимать — наверное, точно смогу.

— От и ладно! От и славно! Ну походи покудова, походи, погляди. А вы, девкя, чавой рты проветриваете? — строго посмотрела она на девчонок. — А ну по местам. Делов по шею, а оне стоять.

Девчонок как ветром сдуло. Весело, со смехом разбежались кто куда: каждая по своим делам.

— Есть стельные-то у тебя, Васильевна? — спросила Пелагея.

— Конечно, как не быть. Будет тебе работенка скоро, — улыбнулась Васильевна.

В свой первый рабочий день Пелагея устала так, как не уставала уже давно. Работать, как прежде, она не могла, сильно мешали костыли, и она делала очень много лишних движений. Неплохо получалось только доить, а все остальное было очень трудно: нагибаться практически невозможно. К вечеру спина горела огнем, а ампутированную ногу резало и кололо, время от времени возникало ощущение, что из нее тянут жилы.

— Ну, усе на севодни! Ступай домой, отдыхай. Девчонке своей молочка возьми! — улыбнулась Васильевна. — У Вали коровы давно нет, токма куры и гуси.

Пелагея не стала возражать и засобиралась домой. Две кринки молока поставили в заплечный мешок.

— Благодарствую, Василька! — чуть поклонилась Пелагея.

— Корми, корми яе. По дяревне слух идеть, совсема синюшную девку привела ты. Ох, горюшко! Наши хочь не голодали так! — покачала головой Васильевна.

Пелагее показалось, что домой она шла целую вечность, вроде как даже дольше, чем они с Настей от станции шли, пока деда Тимофея не встретили. Женщина часто останавливалась и отдыхала, даже перекурила, озираясь по сторонам. Не очень хотелось, чтобы видели ее с цигаркой. Да все равно узнают. Сколько раз давала себе зарок бросить, а все никак не удавалось.

«Надо привыкать мне к новой жизни, все теперь по-другому! Много, оказывается, от ноги зависело!» — с тоской подумала она, выдувая сизый дым.

Ее думы прервал крепкий паренек чуть постарше Настюшки. Женщина быстро выкинула цигарку, да поздно, заметил он, но лишь усмехнулся.

— Тетка Пелагея, давай я тебе подсоблю. Скидывай свой мешок, я яво сам поташшу.

— А ты кто жа такой будешь? — чуть улыбнулась Пелагея. — Меня откуда знаешь?

— Да кто жа тебе не знат? Уся деревня ужо гудит. А я — Андрейка, сын Авдотьи, пришел до мамки, а она кажет — ступай-ка, тетку Пелагею догони, да подсоби ей.

Пелагея сняла заплечный мешок и отдала мальчишке. Он побежал вперед, но вскорости приостановился и дождался Пелагею.

— Кажи, тетка Пелагея, а много ты бойцов вытянула?

— Тебе зачем?

Пацан растерялся.

— Ня знай. Интересно мене.

«Пусть только интересно тебе будет, и никогда в своей жизни ты не узнаешь сам интереса этого, раздери его пополам!»

— Я, как на батю похоронка пришла, так сразу думал на фронт податься, да мамка ня пустила. Выть начала, куды жа ты мене, Андрейка, бросашь.

Андрей вздохнул.

— Я ба усех ентих фрицев раздавил! — пацан поднял руки, сжал кулаки.

Пелагее было горько смотреть на мальчишку, но и невольная улыбка озарила ее лицо.

«Хорошо, что маленький! Хорошо, хоть одна отрада осталась у Васильевны».

Два старших сына-близнеца Авдотьи погибли сразу же, в первые месяцы войны. Третий пропал без вести. Васильевна очень надеялась, что вернется, и ждала его каждый день.

Андрейку она родила уже в преклонных годах: было ей больше сорока. Как же радовалась женщина, надышаться не могла на своего Андрюшеньку.

«Справный малец», — подумала Пелагея.

Когда дошли до хаты, увидела Настеньку, та возилась во дворе. Увидев Пелагею, обрадовалась, но заметив рядом хлопца, застеснялась и немедля юркнула в избу.

— Тетка Пелагея, ты девчонке-то своей кажи, пусть на берег приходить. Мы тама вечером собираемси: костер жгем, картоху печем. Днем некада, делов по шею, а вечером можна.

— Кажу, — пообещала Пелагея. — Придет, коль захочет. А сколько вас там?

— Старшие свой костер жгут, мы к им ня лезем, а нас четверо робят и две девчонки. Твоя Наська — третья девка будеть.

— Придет! — кивнула Пелагея.

Валя вышла ее встречать.

— Андрейка, — обрадовалась она, увидев пацана. — Зайди, пироги поспели. Нынче с капустой пякла.

— Ни, — отказался Андрейка. — Вы лучша Наське вечером дайте на берег.

Сказал и был таков.

— Отпустишь? — вопросительно посмотрела Валя на Пелагею.

— Отчего же? Пусть идет! Привыкает к новой жизни. Теперь это ее мир, ее судьба. Там и жених уже для нее есть, — улыбнулась Пелагея.

Валя тоже счастливо рассмеялась.

— От и ладно! А то, можат, сама не схочет? — тревожно спросила Валя. — Нада с робятами-то дружить.

— Схочет, — заверила ее Валя. — Она очень общительная. В госпитале ее все любили.

— Палаша, так и я о том, шибко умныя она.

— Это да! — Пелагея счастливо улыбнулась. — Девка справная у нас. Валь, я тут молочка принесла. Ты давай, прибери сама. Устала я, как та собака.

— Ой, Палаша! — всплеснула Валя руками. — Да чавой это я? Ты жа с работы пришла! Ой, глупая жа я баба! Давай, давай, вечерять…

Но Пелагея перебила ее.

— Валь, ничего не хочу. Полей мне, помоюсь и спать лягу. На дойку меня поставили, только это мне под силу. Ну и телят еще буду принимать.

Часть 7

В дальнем углу сада у Вали был прибит к заборчику рукомойник, летом там умывались, а порою и купались. Вот туда и пошли женщины. Пока шли потихоньку, Пелагея рассказала про новости дня. Валя слушала внимательно и лишь однажды перебила вопросом:

— Чавой такое ячейка?

— Валюш, как тебе объяснить? Ну работу партийную вести будем.

Валя с большим уважением посмотрела на Пелагею:

— А ты чавой, либошто партейная?

Пелагея кивнула:

— На фронте вступила.

— Ой, Палашенька, какая жа ты…

Валя тоже рассказала об их новостях с Настенькой.

— Какую девку хорошую ты привяла! — похвалила она и Настеньку, и Пелагею одновременно. — Такая ласковая, добрая! А работящая какая! Токма и слыхала севодни от яе: бабуль, чавой ишшо тебе подсобить. Ой, Палаша! Она мене бабулей кликаеть, а мене прямо словно медом-медом!

Валентина блаженно закатила глаза.

— Мотрю я, и ей оно приятственно! Хочь одна родная душа у ей таперича.

Валя быстро закрыла рот ладошкой, поняв, что не то болтанула.

— Ишшо одна родная душа! —быстро исправила она саму себя.

Дошли до умывальника, Пелагея сняла гимнастерку и белье, Валя принялась поливать ей на спину из ковшика, приговаривая:

— От так! От так! Будять моя девка чистенькая. Будять как новенькая! А потома пойдеть на постелЮ новыю.

Пелагея вскинула на Валю лицо:

— Откуда же новая?

Валя рассмеялась:

— Слухай мене больше! К слову пришлоси.

Пелагея тоже улыбнулась.

От таких, казалось бы, простых слов у нее навернулись слезы. Хорошо, их не было видно. Смешиваясь с потоком воды, они уходили в землю. Пелагея не давала себе волю, боясь разрыдаться. Она вспомнила свою утреннюю встречу с Анфисой. Ей очень хотелось рассказать о ней Вале и открыть свои истинные чувства: злость, боль, обиду на Егора. Но как? Анфиса носила внука Вали. Как можно рассказывать о том, что чувствуешь к матери ребенка, который Вале будет родной внук или внучка.

Ведра воды не хватило, Пелагея с удовольствием плескалась, испытывая неимоверное наслаждение от того, что можно помыться тщательно, никуда не торопясь, не боясь обстрела или неожиданного налета.

— Валюша, принеси мне еще водички. Я будто заново на свет народилась сейчас.

— Чичас, чичас, моя милушка! Я разом обернуси! А ты постой покудова, родимка моя! Вот, за дерево дяржись. А я разом обернуси.

Позвякивая ведром, Валя быстрым шагом ушла к избе.

Каждое ласковое слово и каждое внимательное движение свекрови словно откалывали по кусочку от того гранита, в который было одето сердце Пелагеи. Она радовалась этому и одновременно боялась. Страшилась остаться без брони, в которую была замурована вот уже четыре года. К чему? Для кого освобождать свое сердце?

«Настенька! — мелькнула искра в голове. — Для нее! Дать ей то, чего мне так не хватало в детстве, в ее возрасте. Материнской любви, добра, заботы и ласки: всего того, чего не было у меня самой. А я так хотела!»

Вдруг раздался треск сухой ветки, Пелагея, голая по пояс, обернулась на звук, думая, что Валя принесла воды.

— Валюша, я вот что… — звонко обратилась она к свекрови, но в тот же момент осеклась и прикрыла грудь руками. Прямо перед ней стоял Егор. До рубахи Пелагее было не дотянуться, стоять на одной ноге тяжело, она побоялась упасть и инстинктивно схватилась снова за ветку, тем самым наполовину открыв свою красивую грудь.

— Палаша! — кинулся Егор к ней, обнял, прижал к себе и принялся целовать. — Милушка моя, любушка моя. Как жа енто? Как жа мы таперича?

Пелагея обмякла, растворилась в его объятиях, будто потеряв сознание на секунду. Вот он — ее желанный муж, радость, любовь, ее мечта. Сколько бессонных ночей провела она, укрывшись шинелькой, лежа прямо на земле, в те короткие часы затишья, тоскуя по мужу. Как ругала она себя, что не давала ему всей своей нераскрытой нежности и ласки! Как давала себе обещание любить своего мужа, любить, любить…

Как отвергала ухаживания фронтовых хирургов и санитаров-мужчин, мечтая только о нем!

…Вспомнила все, но оттолкнула Егора.

«Не мой он теперь. Чужой».

А сделав резкое движение, потеряла равновесие, не удержалась и рухнула на землю. Для Егора это тоже было неожиданным — не удержал.

— Палашенька! Милая! — кинулся он ее поднимать. — Люблю я тебе, мочи нет. Как увидел… Палаша… и ты мене… я жа чувствую…

— Валя! — протяжно закричала Пелагея, смешивая крик отчаяния с горькими рыданиями.

Между деревьев показался силуэт свекрови. Услышав крик Пелагеи, она кинулась к ней, споткнулась о корягу, упала, ведро тяжело и звонко грохнулось на землю.

Егор бросился к матери:

— Мама, ну чавой ты? Чавой? Ня ушибласи?

Пелагея, воспользовавшись замешательством Егора, крикнула:

— Уходи, Егор, от греха… уходи, прошу тебя.

— Чавой тут у вас? — беспокойно спросила мать, поднимаясь с земли и с сожалением глядя на пролитую воду. — Егор, воды надо принесть. И я уся извозиласи, и Пелагее помыться ня хватило.

— Чичас! — мужик подхватил ведро и ушел в глубь сада.

— Палашенька, чавой ты, милая? Почему кричала мене? Как я испужаласи. А Егорка-то как прошмыгнул? Как здесь паршивец оказалси?

— Ой, Валя, люблю я его, паразита. Как люблю! Дышать вроде как даже трудно делается, как подумаю, что не мой он! Не мой…

И Пелагея завыла в голос, приговаривая отрывисто:

— Как же жить? Ты же мать его!

Будет приходить… все время… видеть… мочи нет. Уйдем мы…

— Палаша, Палаша! — Валя обнимала и быстро-быстро целовала Пелагею в лицо, в волосы. — Ня пущу, нет, со мной будете! Куды жа вы? Нет! И думать ня моги!

Так, обнявшись, они стояли, пока не услышали.

— Мать! Возьми ведра.

Пелагея вздрогнула и инстинктивно прикрылась, но Егор поставил два ведра на землю и быстрым шагом ушел со двора.

— Давай, давай, моя милушка, сначала я тебе, а потома и ты мене помоешь. Глянь, какая я уся у грязи.

…Поднялась Пелагея еще до свету, Валя вместе с ней встала.

— Наська-то наша вчерась вечером на берег пошла! — радостно сообщила она. — Я ей пирогов дала, луку зеленова да картохи. Пришла довольная, глазья горять как у настоящего робятенка. На огороде мене вчерась тожеть подсобляла ишшо вечером. Свеклу сняли да моркови нямного. Севодни борща наварю, как ты уважаешь. Справныя девка у нас. Ох, справныя. Бабой Валей мене кличеть, — снова похвасталась Валя.

Ей хотелось всему миру рассказать, что у нее есть теперь внучка.

Валя счастливо рассмеялась, улыбнулась и Пелагея.

— Валь, — несмело обратилась она к свекрови, — понимаю я, сын он твой, ходить будет, да и внук скоро родится. Рада я уже тому, что не в одной хате живем. А то могло быть и так.

— Могло, могло, — зачастила Валя. — Перед самым твоим приездом ушли до Анфиски, а то усе тута толклиси, мать яе померла, батька погиб давно, да ты знашь об ентом, две сестры замужем в Рядново. Вот и ушли оне от меня, одне оне тама, изба хорошая у их, большая. Я сначала обидемшись, мене бросили, кричала я дажа, а чичас думаю, Бог усмотрел усе сам.

Она трижды мелко перекрестилась и косо взглянула на Пелагею: как невестка отреагирует. Партийная!

— Валь, так я о чем? — Пелагея вернула женщину к теме разговора, совершенно не реагируя на то, что Валя крестилась. — Не хочу я больше видеть Егора. То есть хочу, но нельзя, Валь! Опасно это, понимаешь? Могу не сдержаться. Вижу его, и замирает все внутри, вот здесь!

Пелагея приложила руку к животу.

Валя кивнула. Понимаю, мол, а то как же! Сама, что ли, не баба.

— Переворачивается все, понимаешь? Давно у меня мужчины не было…

Валя испуганно взглянула на Пелагею. Ей не очень хотелось слушать такие подробности, но и прервать Палашу она не хотела: видела, как трудно невестке из-за ее сына.

— Обнял он меня вчера, прижал, целует, грудь ласкает, Валь, не железная же я. Обомлела вся, растаяла. А нельзя… другая жизнь у него и другая семья. Не муж он мне. Будем считать, что погиб…

— Ой, чавой ты, чавой? Живой мой санок, Пелагеюшка, — у Вали полились слезы. — Низя так. Низя, моя милушка. Чавой ты на живова человека наговариваешь?

— Валя, твой сын живой, и хорошо. А мой муж погиб. И точка, — Пелагея со всей силы долбанула костылем по полу. Настенька подскочила и ринулась бежать, Валя едва успела ее схватить.

— Ну чавой ты? — покосилась она на Пелагею. — Малую вона как напугала. Настенька, цветочек мой, идем, спи ишшо, моя милушка, звездочка моя. Валя снова уложила девочку, а Пелагея пошла на работу.

Часть 8

На ферме все шло своим чередом. После дойки Васильевна отправила Пелагею домой.

— Все, Палаша, ступай!

Ты свое дело сделала. Возьми молочка и отдыхай. Давай, давай! До завтрева.

Чуть не насильно Васильевна довела Пелагею до ворот.

Та хотела возразить, что не привыкла отлеживаться по целому дню, но, подумав, что все равно ей больше нечем заняться на ферме, подчинилась и поковыляла домой.

«Ничего, в хате тоже полно работы, — успокаивала она себя. — Стряпать буду, хотя много ли нам троим надо? Стирать не смогу, это точно, хотя, может, и надо попробовать? Все надо попробовать. А вдруг как-нибудь и приспособлюсь».

В этот день она почти не устала, хотя доила много коров. Но, видно, организм отдохнул за ночь, да и привыкла уже маленько, не делала так много лишних движений и точно знала свою задачу. Так и порешили: Пелагея — теперь доярка, и станет принимать роды у коров, как до войны.

Проходя мимо сельсовета, увидев в раскрытом окне голову Степана, склонившегося над какими-то бумагами, решила заглянуть к председателю.

— Здравствуй, Степан! — с легкой улыбкой приветствовала она мужчину.

Степан поднялся и с удовольствием поприветствовал в ответ:

— Ну как ты? Освоилась маненько? Тяжело тебе?

Пелагея поблагодарила председателя за заботу:

— Спасибо, Степан! Все хорошо у меня. Нет, не тяжело. Радостно. Устаю, конечно, но это нормально. Привыкну. Ног-то всегда две у меня было, а теперь вот… А что это тут у тебя? — она взглядом указала на стол, заваленный бумагами, желая перевести разговор на другую тему.

Степан махнул рукой:

— Разбираюсь вот… слушай, милмоя, — осенило его, — а давай-ка завтре у город ехай у райком! А?

— А что такое? — напряглась Пелагея.

— Да понимашь ты, учителка наша беременная нынча! Пришел холостой Евдоким Лавриненко с войны, девятнадцати годов, и сразу у них енто получилоси. Ужо как наши бабы выхаживалиси перед ним! Наряжалиси, позуживали. Да токма усе зря! Он в учителку влюбилси. И главное, знашь, Палаша? Старша она яво лет на пять, однако. От так! К сентябрю родить! Кто жа робятишек учить станеть? А к нама жа с трех деревень робята ходють. Нада ба нама учителку таперича новую.

— И партийную! — загорелись глаза у Пелагеи. — Да постарше.

— Ну можна и партейную, — как попугай повторил Степан, но махнул рукой и сказал. — Да любую! Лишь ба отправили. Робяты-то осталиси без яе. Давай-ка завтре с дедом Тимохой или с Демьяном ехай до городу.

— А доить кто жа…

— Да скажу я Васильне, самя подоють! Нынча енто важнее. А ты при ордене, без… — но осекся Степан, не стал продолжать.

Пелагея уловила его замешательство, поняла, но не обиделась.

— Дело говоришь, Степан. Дай всем распоряжение. Завтра ранним утром буду готова ехать в город.

Увидев Пелагею, Валя всплеснула руками:

— Как хорошо-та, што так скоренько, и дома. Давай, давай борщекА, готов ужо.

— Валя, давай мы с тобой так договоримся. Всю домашнюю работу, которая мне по силам, буду делать я! Стряпать точно смогу, потом, может, еще что-то найдется. Так что: я прихожу с фермы и принимаюсь за стряпню.

Валя закивала быстро-быстро и зачастила:

— Ага, ага! Понямши, Палашенька.

— Тетка Пелагея! — Настенька выскочила из избы и обняла Пелагею. — Пойдем, мы с бабой Валей борща твоего любимого наварили. Голодная же ты, поди.

Пелагея кивнула. Проголодалась, мол.

— На ферме молока только выпила, а борща с удовольствием. Ну, угощайте.

— От и ладно! От и хорошо! — обрадовалась Валя и принялась суетиться.

Через несколько минут на столе появился хлеб, зеленый лук, огурцы, сало. Пелагея уловила аромат так любимого ею борща, настоящего, со свеклой. Пусть без мяса, на шкварках, но такого вкусного, деревенского, аппетитного.

Валя поставила дымящуюся миску перед Пелагеей. Она наклонила лицо над борщом и вдохнула аромат.

— Как же хорошо! Какое же счастье! Валя, спасибо тебе, что ты есть у меня.

— Ну чавой ты! — смутилась Валентина.

— А я? — пискнула Настя.

— А тебе мое особое спасибо, — Пелагея махнула рукой, подзывая тем самым девчушку к себе, и Настюшка вмиг оказалась у нее на руках. — Ты — моя спасительница! — прошептала она ей в ушко.

Валя, поняв всю важность происходящего, взяла ведро и вышла из хаты.

— Ты — мой ангел, моя радость! Я уже и не мыслю без тебя свою жизнь!

Настенька посмотрела на нее глазами, полными слез:

— Правда? А я думала, ты не любишь меня совсем.

— Что ты, милая! Что ты! Очень тебя люблю.

Пелагея крепко обняла девочку и поцеловала в волосики.

— А знаешь что? Мы с тобой завтра в город поедем. Только вот у бабки Вали спросим. Отпустит если…

— Езжайте, — Валя зашла в хату с ведром воды. — И слышь-ка, Палаша, муки привязи! Совсем мало, а в сельпо уже неделю как пусто.

— Как же это? Я тебе привезу. А как другие? А ну-ка…

Женщина осторожно спустила Настю на пол, встала.

— Ты куды? — вскрикнула Валя. — А исть кто жа будят?

Но Пелагея уже вышла из хаты и решительным шагом направилась в сельпо.

Дошла довольно-таки быстро, и еще издалека увидела на двери огромный замок. Пелагея недоуменно посмотрела на него и даже потрогала для верности. Закрыто! Не может быть никаких сомнений. Как же так? Она потопталась около сельпо и не зря. Мимо проходила бабка Агриппина, в народе почему-то называемая Куделиха.

— Здравия вам, бабка Агриппина! — поздоровалась Пелагея и спросила. — А как бы мне в сельпо попасть?

— А тебе пошто? — спросила бабка, удивленно рассматривая Пелагею. — Либошто Валькя не казала, што нет тама ничаво?

— Да как же это?

— От так! Нет, и усе! Мария, продавщица, закрыла и в поле ушла. Чавой тут торчать? А зимой што жрать?

— Благодарствую, бабка Агриппина, что разъяснили.

— А ты, Палашенька, молодец, что девку-то приволокла. Правильна! Мы, ежеля чавой, подсобим тебе! Молодец.

Пелагея коротко кивнула и пошла к председателю.

— Степан, как же так? — налетела она с порога на мужика. — Сельпо закрыто, торговать нечем! Мне Валя муку заказывает. Привезу ей, конечно. Ну а остальные как же? Твоя Аксинья как хлеб печет?

— Ня знай! — пожал в недоумении Степан плечами. — Пячеть как-то. Хлеб есть у мене у хате.

— А вот у нас сегодня уже не было! — распалялась Пелагея.

— Палаша, так дам я тебе муки-то. Чавой ты разошлась.

— Мене дашь, а всей деревне? Ты что, Степан? Не стыдно тебе? А ну давай денег, да чтобы завтра же мука была! — Пелагея яростно ударила костылем.

— Так нету денег, Палаша! Можем только свеклы да моркови отвезть на рынок, а за енти деньги…

— Ну так давай собирай народ, готовь свеклу на завтра. Да бабу мне дай, не справлюсь одна. И мужика окромя деда. Какой с него помощник?

— Ну это ты не кажи, Пелагея! Он, знашь…

— Некогда мне тут выслушивать про подвиги деда, он расскажет, если захочет, сама завтра увижу, — прервала его Пелагея. — Завтра грузи бричку свеклы да моркови пораньше. Часов в пять тронемся.

Сказала и пошла.

— От баба! Огонь! Не то что моя… — восхитился Степан. — Ой, дурак Егорка! Ну дурак!

Утром в пять часов Пелагея с Настенькой, дед Тимоха, Наталья и молодой парень Ермоха выехали в город. Бричка была полна свеклы, моркови и огурцов.

Часть 9

В городе были к девяти часам. Свеклу и морковь выгрузили на базаре. Наталья с Ермолаем остались торговать. А дед Тимоха повез Пелагею до райкома партии. Как ни странно, но там Пелагея очень быстро решила вопрос. То ли ее гимнастерка с орденом подействовали в придачу с отсутствующей ногой, то ли действительно была у секретаря на примете учительница, но Виктор Николаевич горячо пожал руку Пелагее и проговорил:

— Знаем, знаем про вашу проблему.

— Да откуда же? — удивилась Пелагея.

— Муж вашей учительницы приезжал, сообщил. Комсомолец он, решил у вас в деревне ячейку организовать. А вы что, не слышали?

Пелагея зарделась, ей стало очень неудобно сознаваться в своей неосведомленности, но она прямо взглянула на секретаря и сообщила:

— Нет, не знала.

— А давно ли вы в деревне?

— Недавно, дня три.

— Где воевали?

— Не воевала я, санитарка.

Секретарь кивнул.

— Коммунист я, — призналась Пелагея. — Хочу работу на должный уровень поставить.

— Отличное решение, — одобрил Виктор Николаевич. — А сколько у вас коммунистов?

— Пока трое, — вздохнула Пелагея.

— Так вот — задание вам первое!

— Слушаю, — напрягалась Пелагея.

— Подготовьте хотя бы еще пару человек для вступления в партию. Ну и давайте налаживайте сельскохозяйственные работы. Мужики-то есть в деревне?

— Есть, но мало. Да бабы привыкли все на себе волочить. — Плохо это. Попробую вам помочь.

— Да как же?

— Пока промолчу. А учитель к вам завтра приедет.

— Ох, как хорошо. Спасибо вам! — обрадовалась Пелагея, не обратив внимания, что секретарь сказал «учитель».

Пелагея вышла из райкома достаточно быстро. Настенька сразу поняла, что у нее все получилось. Дед Тимоха спросил:

— Куды таперича?

— На базар, посмотрим, как у них дела, и потом за мукой.

Наталья и Ермоха сидели за пустым прилавком. Рядом с ними на земле лежал мальчишка. На нем была надета огромная рваная рубаха, его короткие штанишки тоже были дырявые, обуви не было вовсе. Мальчишка спал.

Пелагея знаком спросила: кто это. Наталья встала и отвела женщину в сторонку.

— Ой, Палашенька. Голодный он, видать, долго ня евши. В обморок упал. От прямехонько рядом с нами. Отходили мы яво, хлеба немного дали и водицы, набросилси на еду, — Наташа вытерла глаза кончиком платка. — Уснул. Куды яво таперича? Ня бросишь жа здеся. У мене, сама знашь, шестеро, а я одна. Пелагея ни минуты не сомневалась в том, что они не оставят ребенка в беде.

В это время малец проснулся и испуганно посмотрел на Пелагею:

— Как зовут тебя, хлопец? — спросила она.

— Егорка.

Пелагея вздрогнула.

— Почему шаромыжничаешь?

— Дом разбомбили еще в сорок втором, мамку сразу убило, а папка как раз с фронта пришел, после ранения. Вот как вы, на одной ноге скакал, мамка так радовалась, да тут бомбежка… мамка умерла… и папка тоже умер. Ему вторую ногу оторвало, — Егор покосился на культю Пелагеи. — Полежал с неделю да и умер. Я к бабке подался в деревню, заплутал, не нашел. Забыл, как туда ехать, в общем.

— А как деревня бабкина называется? — спросила Пелагея.

— Волчий Лог.

Наталья и дед переглянулись, женщина прикрыла рот рукой, подавив крик. Слезы брызнули у нее из глаз. Она отвернулась и начала что-то перебирать на телеге и ворчать на Ермоху:

— Ну, чавой расселси? Чичас тронемси, а у тебе тут чавой?

— Чавой? —с обидой протянул Ермолай. — Усе ладно у мене. Пелагея удивленно посмотрела на них, догадываясь, что все не просто так.

— Ну поехали с нами, отвезем тебя до Волчьего Лога.

Мальчишка радостно запрыгнул на телегу.

Сначала заехали в магазин и на вырученные за свеклу и морковь деньги купили муки. Только потом тронулись в деревню.

Во время пути дед тихонько шепнул Пелагее:

— Нема Волчьего Лога-то.

— Как нет? — ахнула Пелагея.

— Сожгли фрицы подчистую. Ня одной хаты, да и было-то их всего шесть али семь.

Пелагея покачала головой:

— Чего делать-то? Как быть?

— Нада казать мальцу. Должон знать. Война, ядрит яе чрез коромысло. Сама кажешь, иль мене?

— Сама! — Пелагея вмиг приняла решение. — Егорка, а давай-ка к нам? Вот и Настя тебе подружка, и ребят у нас много в деревне.

— А бабка моя как же? Обещали ведь, — мальчишка нахмурился.

— Егор, ты понимаешь, дед Тимоша знавал твою бабушку. В общем…

— Померла? — ахнул пацан. Пелагея кивнула.

— Померла, Егорушка. Есть у тебя еще кто-нибудь?

Егор вытер грязным рукавом набежавшие слезы и зашмыгал носом. Настенька тоже заплакала, а вслед за ней и Наталья! Ермоха, ближе всех сидевший к мальчонке, обнял его и похлопал по спине.

— Ничаво, братишка, как-нябудь. Усе мы ково-то потеряли! Эх, как жа я хотел фрицев бить.

— А сколько тебе? — оживился Егорка.

— Семнадцать.

Егор уважительно посмотрел на парня:

— А мне только десять. А тебе? — он посмотрел на Настю.

Та испуганно захлопала ресницами, глаза ее снова наполнились слезами.

— Ну чавой ты? — удивилась Наталья. — Кажи нам, сколько годов тебя.

— Не знаю, — прошептала девочка растерянно.

Наталья посмотрела на Пелагею:

— Как это?

— Ну чего к девке прицепились? Вот так это, — нервно ответила Пелагея.

Она вдруг поняла, что действительно не знает, сколько Насте лет, и документов у нее нет никаких на девочку. Надо решать. Значит, снова надо ехать в райком и советоваться с секретарем.

На вид Настеньке можно было дать лет семь, не больше. Но ведь могло быть и десять.

В деревню заехали поздно вечером.

— А мне куда? — спросил Егорка.

— К нам пойдешь! — ни секунды не раздумывая, ответила Валя. — Ермоха, муку тоже у меня разгрузи! Сельпо уж закрыто.

Пелагея махнула рукой. — Оно всегда закрыто. Завтра отчитаюсь председателю, и на всю деревню муку поделим.

В это время неподалеку проходила Анфиса, она увидела, как возница и Ермолай приняли разгружать подводу.

«Мука, однако», — смекнула баба.

Вышла Валя.

— А кто енто у нас? — ласково посмотрела она на Егорку.

— Еще один Егор. Валя, баню топи, и надо белье ему искать.

— Да где жа я тебе пацанячье возьму? — всплеснула Валентина руками.

Ермолай оживился:

— Тетка Пелагея, бабка Валя, я чичас тута завершу усе и приволоку чавой-нябудь.

Наталья тоже встрепенулась:

— Чичас и я принясу. Гошка ужо вырос из ентого, а младша яво нету. Егорке ладно будеть. И рубахи есть, и штанишки. Чичас, чичас.

Через пару часов Егорка чисто вымытый сидел за столом и наворачивал кашу с молоком.

— Господи, да када жа енто кончится? Да када жа шастье нама усем будеть?

Часть 10

На следующий день в деревне появился мужчина. Он был одет по-городскому: рубашка, пиджак, на голове красовалась кепка, выглаженные брюки были забраны в новые кожаные блестящие сапоги. Мужчина был среднего возраста, может, лет тридцати, а, может, и сорока, невысок, крепко сложен, светлые волосы выбивались из-под кепки, зеленые глаза смотрели прямо и цепко.

Первая, кого он увидел, войдя в деревню, была молодая вдовая баба Мирониха.

— Здравствуйте, — поздоровался учитель. — А не подскажете, где тут у вас сельсовет? Мне бы Пелагею Хворостенкову.

Мирониха удивилась и спросила:

— Так, енто… тебе сельсовет или Пелагею? А может, сельпо? — рассмеялась Мирониха.

— Нет, сельпо точно не надо. Я ваш новый учитель — Петр Иванович Русаков.

Мужчина снял кепку и слегка поклонился.

…Когда Пелагея приехала с просьбой прислать нового учителя в Высокое, секретарь сразу смекнул, кого он отправит в деревню, чтобы железно не забеременела.

— Учитель! — так и ахнула Мирониха, а мысленно подумала: «От ишть повязло мене. Первыя на учителя нарвалась».

Женщина сразу приосанилась и спросила:

— А жена иде жа ваша? А меня Галей кличуть, хочь усе Миронихой норовят. Миронова я.

— Так нет у меня жены, — развел руками Петро.

— Ой как хорошо! — воскликнула Мирониха радостно, но тут же осеклась, потому что по природе была бабой доброй. Мало ли: война еще жарко дышала в спину людям, а вдруг, погибла жена у учителя.

— Звиняйте, Петро Иваныч. Таки вам ково: сельсовет аль Пелагею?

— А разве Пелагея не в сельсовете? — поинтересовался учитель.

— Не, она жа доярка у нас. А сельсовет вон у той хате. А иде жить будяте? — уточнила Мирониха и внутренне застыла, ожидая ответа.

«Хочь бы казал: нужна хата!»

— Куда председатель направит. А вообще секретарь райкома, товарищ Заварзин, сказал, что при школе есть каморка специально для учителя. Мне бы это было лучше всего — жить прямо в школе.

— Есть, как ня быть, —тоскливо подтвердила Мирониха. —Тама наша учителька жила, пока с Евдокимом ня спуталаси, он яе к сябе у хату и увел оттудава. Да кто жа вам стряпать будеть?

Мирониха вмиг почувствовала свое превосходство перед другими бабами: они еще даже не знают о таком знатном мужике, а она уже с ним познакомилась. Нельзя было упускать такой шанс, и баба пустила в ход свои чары. Нежно улыбнулась и повела черной как уголь бровью:

— Петро Иваныч, — промурлыкала она, — у мене комнатка есть свободная! Я вама и настряпаю, и настираю, а, ежеля ишшо чавой…

Баба покачала своей немаленькой грудью и повела бедром.

Петро улыбнулся в усы и покачал головой.

«Ну и баба!»

— Да я давно сам все привык делать!

— Либошто таки усе? — рассмеялась Мирониха.

Петр смутился и покраснел как ребенок.

— Таки неправильно енто. Отвыкайте. Ну? Што? Пойдете к мене? Я вас мигом отучу от ентого… делать усе самому. Мирониха громогласно рассмеялась.

— Я подумаю, — Петр не стал расстраивать Мирониху отказом, — а пока дело надо сделать: сообщить о своем прибытии, с Пелагеей Прохоровной познакомиться.

— А енто зачем? — запальчиво спросила Галя.

Но Петро проигнорировал ее вопрос и задал свой:

— Школа-то хорошая у вас? Большая?

Мирониха кивнула: большая, мол. Баба приуныла, но мысленно решила, что так просто не сдастся. Она взяла мужчину под руку и проговорила:

— Провожу вас прямиком до сельсовета. А то такова виднова мушшину сразу жа украдут, — и громко рассмеялась, думая, что ее шутка удалась.

— Ну что же! Проводите, — вздохнул Петро, понимая, что ему не вырваться из цепких рук Миронихи.

Гордо выхаживая, медленной походкой, повела Галина учителя до сельсовета длинной дорогой через всю деревню, хотя могла пойти через амбар: пара минут, и вот он — сельсовет. Но нет, решила показать всей деревне, что новый мужик уже занят ею. Отметила, так сказать.

Вот ведь как интересно в деревне! Чихнула баба в одном конце единственной улицы, а на другом уже говорят: «Заболела Глашка!»

Как же так случается, что все знают обо всем еще раньше, чем это начало происходить?

Деревенские высыпали посмотреть на пришлого, в основном это были дети да древние старики.

Учитель с интересом смотрел на них, а они на него, но особенно его, конечно, интересовали дети. У тех дворов, где он видел ребятишек, останавливался, здоровался и обязательно задавал какой-нибудь вопрос. С ним охотно беседовали, приглашали во двор, и почти каждая хозяйка или хозяин звали на постой.

Учитель улыбался, кланялся и вежливо отказывался.

А Мирониха сердито твердила:

— У школя он будеть жить.

Так добрались и до дома Пелагеи, она как раз таки вернулась с фермы и давала указания двум молодым парням: те грузили мешки муки на подводу, чтобы везти в сельпо. Председатель дал распоряжение распределить на все дворы поровну.

Петр Иваныч сразу узнал Пелагею по описанию секретаря райкома, остановился и поприветствовал Пелагею:

— Здравствуйте, Пелагея Прохоровна.

— И вам не хворать! — она заинтересованно посмотрела на мужчину. — Что-то не припомню я вас!

— Так и не старайси, — встряла Галя. — Учитель енто наш новый! Вот до сельсовету веду.

Пелагея невольно расплылась в улыбке:

— Вот радость-то какая! Милости просим! Галь, а чего же ты гостя по всей деревне таскаешь? С дороги он…

Мирониху от слов Пелагеи перекосило, и она уже открыла рот, чтобы что-то ответить, но Петр Иваныч ее опередил:

— Ничего, хорошо, что по всей деревне прошли. Ребят увидел, славные они у вас. Вот и ваших увидел.

Настя и Егорка с интересом выглядывали из хаты, шепотом переговариваясь друг с другом.

— В школе учились когда-нибудь? — спросил Петро.

Дети покачали головами.

— Теперь будете. Меня Петр Иванович зовут, — спохватился он.

Тут и Валентина вышла:

— Палашенька, а чавой ты гостя у порога держишь? А ну, давайте-ка, блинков напякла спозаранку. Вот робяты только поели. Укусно вам было?

Детвора радостно закивала головами.

— Нечего по чужим дворам сидеть, — поджала губы Мирониха. — Я и сама блинков напяку.

— Так ты ишшо только возьмесси, а у меня ужо готовы, и чай…

— Айдате дальше, Петр Иваныч, — попыталась вредная баба утянуть учителя.

Да не тут то было!

Он тепло улыбнулся и сказал:

— Спасибо вам, Галина, но я, пожалуй, останусь, — и решительно зашел во двор к Вале.

Мирониха так и осталась стоять с открытым ртом.

Пелагея с интересом взглянула на учителя, незаметным, едва уловимым движением пригладила волосы, Валя захлопотала:

— Давайте, айдате, сперва умойтеси с дороги, а потома ужо и блинков отведаете. Они у мене знатныя, никто так не печеть.

— Ну Валька, — прошипела Мирониха, — ну схватишь ты у мене! Из-под носа увела мужака! Одна хромая, другая старая! Тьху!

Мирониха плюнула с досады, потопталась еще у калитки, вздохнула и двинула домой. Делать нечего — упустила добычу.

По деревне до своей хаты шла быстрым шагом.

— А иде жа твой учитель? Иде потеряла? — подбоченясь, выяснила красивая баба с длинной русой косой, Оксана.

— У сельсовет отвела! — буркнула Мирониха.

— С каких енто пор сельсовет у Валькиной хате? — громко рассмеялась Оксана. — Што? Обскакали тебе старая да убогая? Так тебе и надо!

Оксана беззлобно скрутила огромный шиш и показала Миронихе.

— Я хочь под ручку с мужаком прошласси, поту мужицкава нюхнула, а тебе и то недоступно. Вот ты и завидуешь.

— И чавой? Знатно воняло от яво? — пуще прежнего развеселилась Оксана.

Мирониха лишь махнула рукой, свернула в переулок и окольным путем чуть не вприпрыжку побежала домой.

— Усе равно я им усем фору дам. Я ужо с им знакома и усе знаю про яво.

Часть 11

Валентина хлопотала, не зная, куда посадить дорогого гостя.

— Айдате, давайте, присядьте-ка, — приговаривала она. — Вот блянки, мядок, варенице. А можат, чавой ишшо хотите? Исть? Так у мене борщ знатный. Уся деревня знаеть, как я ево варю укусно. Някто так…

— Простите, как ваше имя, отчество? — улыбнулся Петр, и от его улыбки стало светло во всей хате.

— Ой, — махнула рукой Валя и стеснительно прикрыла лицо. —Звиняйте дуру старую, трындычиху. Валентина я.

— А по батюшке? — поинтересовался гость, поглаживая усы.

— Степаном моего батьку кликали, — все больше смущаясь, ответила Валя.

— Валентина Степановна.

Валя даже охнула от такого обращения: никто и никогда не звал ее по отчеству. Женщина присела на край скамьи и внимательно посмотрела на гостя. Слушаю, мол.

— Вы не хлопочите, пожалуйста, я не голоден. Мне бы с Пелагеей Прохоровной поговорить.

— Понямши. Как не понять! — Валя встала и смущено попятилась из хаты.

— Что вы! — Петро вскочил и усадил Валю на место. — Вы меня не так поняли. Секретов никаких нет, мы все вместе можем посидеть за столом.

— Вот и ладно! — засияла Валя пуще прежнего. — Вот и ладно.

— Пелагея Прохоровна, присядем? — обратился он к женщине.

— Отчего же не присесть, давайте, — улыбнулась она, с удовольствием наблюдая за тем, как разговаривали Петро и Валя.

Петро с интересом поглядывал на Пелагею, а она на него. Ему сразу понравился ее прямой взгляд, едва заметная улыбка, и даже чуть островатые и грубоватые черты лица были ему милы.

— Товарищ Заварзин сказал, что вы коммунист.

— Верно! — оживилась Пелагея. — И еще двое есть. А вы тоже коммунист?

Петр кивнул и проговорил довольно:

— Ну вот и хорошо, четверо нас теперь в деревне. Нужно еще подготовить хотя бы одного человека. Это наше с вами задание от Виктора Николаевича. Есть кто-нибудь на примете? Скорее всего, мужики-фронтовики. Достойные.

— Да, фронтовики есть. Егор Хворостенков, например.

— Ваш муж?

Пелагея смутилась на секунду, но тут же взглянула прямо на учителя:

— Бывший.

— Понимаю, — протянул Петро, хотя не особо понял, но задавать вопросов не стал. — Тогда давайте соберемся завтра же в сельсовете и пригласим товарища Хворостенкова. Вы не против?

— Я только за!

— Отлично.

Валя засияла и зачастила:

— Мой санок — ладный мушшина, только вот… запутамшись… война… с кем ня быват.

— Валюша, лишнее это… — остановила ее Пелагея, недовольно глянув.

— Ну почему же? Рассказывайте, Валентина Степановна! Мы человека в партию будем рекомендовать, а в таком вопросе ничего лишнего быть не может…

— Палашенька, шила у мешке ня утаить! — Валя виновато посмотрела на Пелагею. — Усе равно узнаеть! Пущай лучша от нас. Сама знашь, чавой люди наболтать могуть.

Пелагея согласно кивнула:

— Наверное, ты права, Валя. Сама все расскажу. Петр Иванович, тут такое дело. Мой муж, Хворостенков Егор, пришел домой с фронта, комиссовали его, а следом на меня похоронка пришла.

Глаза Петра расширились от удивления:

— Как так? — не удержался он от вопроса.

— Вот так! — жестко припечатала Пелагея и хлопнула ладонью по столу. — Бывает. Мужик с фронта, вдовец, а тут баб полная деревня. Ну и он… в общем… сошелся с Анфисой. А потом и я заявилась.

— А дети? — удивился Петро.

— А ребята мне не родные. Настеньку я с собой привела. Она спасительница моя, а Егорку только вчера привезла из города, сирота он.

— Вот так дела! — не удержался от восклицания учитель. — Осуждать не буду Егора! Не думаю, что это вызовет затруднения при вступлении в партию. А сам-то он желает стать коммунистом? Проявлял желание?

— Так вот мы у него завтра и выясним! Давайте-ка действительно чайку! — предложила Пелагея, желая закончить этот тягостный разговор. — Да о себе нам немного расскажите.

Петр Иваныч враз помрачнел.

— Да особо рассказывать нечего. Закончил педагогический институт, работал учителем математики в городской школе, на фронт ушел добровольцем в первые дни войны, три ранения, дошел до Берлина. В город прибыл на днях. Все.

В хате повисла гнетущая тишина, никто из женщин не решался задать вертящийся на языке вопрос. Но Валя все-таки не удержалась и спросила тихо:

— А семья, Петро Иваныч?

Вале тут же стало неловко от своего вопроса, Петро опустил голову и долго молчал.

— Где у вас курят? — медленно проговаривая слова, вопросом на вопрос ответил наконец учитель.

Пелагея тяжело поднялась, предчувствуя, что и у Петра не все просто.

— Пойдемте на двор, я там курю.

Учитель с готовностью поднялся.

Валя, чтобы разрядить обстановку, брякнула:

— Я ня курю, но пойду с вами.

Все натужно улыбнулись.

Во дворе Петр достал настоящие папиросы и протянул Пелагее:

— Трофейные. Угощайтесь.

Она покачала головой:

— Нет, я свои. А то привыкну!

Учитель кивнул, закурили, и только на третей затяжке он медленно начал рассказ.

— Мы учились на одном курсе. Вера тоже математик… была… поженились на четвертом, диплом Верочка уж беременная защищала. Родилась Анюта, через два года Алешка, потом война… их эвакуировали в Пензу, я оттуда письма получал, а потом вдруг страшное затишье. Долго никаких вестей не было, и внезапно снова письмо, но почерк не Верочкин. Писала его квартирная хозяйка, жили они у нее… Я долго не открывал письмо.

Петро раздавил окурок и проговорил:

— В общем, нет у меня ни жены, ни детей. Домой они решили поехать, город наш освободили уже, а по дороге состав разбомбило.

Долго еще сидели, не говоря ни слова. Тишину нарушил сам Петро:

— Ну что приуныли, бабоньки? Жить надо. Живые мы! Надо жизнь налаживать, страну восстанавливать. Некогда горевать.

Поднялся, Пелагея поднялась следом.

— В сельсовет я, а то так и не дойду, — махнул рукой учитель.

— Провожу вас, — коротко бросила Пелагея.

Сначала шли молча, а потом он заговорил:

— Я еще и осознать не успел, что один в целом свете. Родители мои давно умерли, а жену и детей четыре года не видел. Вроде как привык без них. Больше не увижу… А иногда разрывает изнутри… бежать куда-то. А куда? От себя не убежать.

До сельсовета дошли быстро, почти никого не встретив на пути. Председатель несказанно обрадовался учителю.

— Ну товарищ Заварзин! Вот так удружил нам!

Он с удовольствием тряс руку учителю. Познакомились.

— Ну что, Степан Миронович? Куда меня определите?

— Да хочь к мене! Комната есть свободная.

— Я слышал, что при школе каморка есть.

— А хочешь, так и туды.

— Да, не хочу никого стеснять. Лучше туда.

— Добро!

— Я провожу! — тут же вызвалась Пелагея.

— Вот и ладно. Усе дела завтре! Обживайтесь, Петро Иваныч! Ежеля чавой надо, кажите. Усе будеть, усе поможам. Кровать и стол со стулом есть там, шкапик.

Петро коротко кивнул, развернулся по-военному, щелкнув каблуками.

— От это да! От это учитель у нас таперича! — восхитился председатель.

Через полчаса Петро сидел в небольшой комнатенке на железной кровати и думал о том, что уже так давно не было у него такого сильного желания, чтобы рядом была женщина. Пелагея Хворостенкова.

Часть 12

Слух о том, что Пелагея привезла из города мальчонку, быстро распространился по деревне. Не было ни одного человека, который не оценил бы поступка Пелагеи.

— Молодец Палашка!

— Я ба тожа ня оставила мальца.

— Какая у нас Пелагея!

…Вдовая баба Глафира пришла до хаты Валентины на следующий же день с узелком, да сразу наткнулась на Егорку. Он сидел на лавке и грыз морковку, жмурясь от удовольствия.

Глафира окликнула его:

— Эй, малый! Так ты, стало быть, и будешь Егорка?

Мальчик вздрогнул, вскинул глаза на женщину, они мигом наполнились слезами.

— Я, — тихо проговорил он и утер глаза рукавом.

— Чавой ты? Чавой? — забеспокоилась баба и без приглашения стремительно зашла во двор, присела рядом с мальчиком, погладила его по волосикам и заговорила мелодичным, успокаивающим голосом:

— Усе таперича ладно будеть у тебе. А мене тетка Глаша кличуть, я вот тебе сыночка маво штаны и рубаху принясла. Примерь-ка, совсема новыя пошти шта. Мой Сенька шибко быстро рос. Ня успевал батька яму одежду справлять.

— А где он? — замирая от предчувствия плохого ответа, спросил Егор.

— Так нету. Фашисты побили яво. И мужа моева, и ишшо одново сыночка… на том усе горело, до дыр, ничаво от яво ня осталоссси. А ты чавой кричать-то удумал? — Глаша снова уже почему-то несмело протянула руку к Егоркиной голове, но тот не отстранился, а наоборот подался к ней, вдруг обнял, прижался и заговорил быстро-быстро:

— Тетка Глафира, вы на мамку мою ох как похожи! Только говорила она по-другому. Вы как вошли, я обомлел. Мамка моя стоит! Потом пригляделся, понял, конечно, что не она это. У нее волосы потемнее были, чем у вас, и родинка на щеке, вот тута! — мальчик дрожащей рукой прикоснулся к лицу Глаши. Ей хотелось схватить эту ручонку и целовать, целовать…

А ему хотелось обнять эту женщину, и никогда больше не расставаться с ней. Но как такое скажешь? Мало ли с кем хочется жить.

— Господи! — не сдержалась Глаша и заплакала. — Да што жа енто делаетси… да када жа енто закончится…

Тут из избы вышла Валя:

— Глаша, здравия тебе.

— И тебе, Валюша, ня хворать. Я вот принясла, — и женщина трясущимися руками стала открывать узелок.

— Егорка! А ты чавой? Кричал либошто?— спросила Валя у мальчонки.

— Баба Валя, тетка Глаша на маму мою сильно похожа, только вот говорит по-другому.

И ребенок кинулся к Вале уже не в силах сдержать рыданий. Он задыхался и приговаривал:

— Мамка, мамка моя. Как же я без нее?

Валя тоже заплакала, а Глафира даже схватилась за плетень. Ей стало трудно дышать, и все поплыло перед глазами.

— Чавой ты? — испугалась Валя. — Егорка, а ну геть за водой!

Валя обняла бедную женшину и подвела к лавке.

— Глаша, Глаша, а ну присядь-ка.

Егорка мигом метнулся в хату и вынес кружку воды.

— Вот, тетка Глаша. Чего вы? Плохо вам? — беспокойно спросил он, все еще всхлипывая.

— Нет, нет, хорошо мене.

Женщина выпила воды и прислонилась к прохладной бревенчатой стене.

— Ой, Валя, тяжко усем… и робятам, и бабам! Как долго ишшо это лихо будеть над нами ходить и управлять нами.

— Ня знай! — скорбно покачала головой Валя. — Долго ишшо! Ох долго! Сколько народу полягло! Никто ня знат. От хочь бы у нас! Сколько?

— У каждой избе! — ответила Глафира. — А то и двое из одной. А у Варвары Коровиной так и усе ня пришли. Семь человек. Ой как жа енто пережить?

Глаша встала:

— Пойду я, Валентина.

А выйдя со двора, направилась на ферму, побежала даже.

Она еще не знала, как она скажет это Пелагее, но уже была полна решимости.

— Пелагея, — заорала она, вбежав во двор фермы. — Палашенька, выйди к мене. Это я, Глашка Старова.

— Да чавой орешь-та как оглашенная? Ишть занята она. Чавой тебе? Почему не у поле? — спросила Васильевна.

— Здравия тебе, Васильна, позови Палашу, надо шибко, — проигнорировав вопрос, попросила Глафира.

— Случилось чавой? — забеспокоилась Васильевна. — ТрУсит тебе, вижу. Пелагея! — Васильевна крикнула внутрь фермы.

— Ну говори жа, бясовская твоя душа, ня томи. Чавой случилоси?

— Санок мой вернулси.

— Да ты што, Глаша, свят, свят! — Васильевна перекрестилась, —Да иде жа он был три года? Неужто у плену? Ой лихо!

— Да нет! — махнула рукой Глаша. — Што ты? Мал он ишшо, и слава Богу!

— Ничаво ня пойму. Ну ладно, потома объяснишь.

Васильевна видела, что Глафира не в себе. Всякое бывало в деревне: несколько баб повредились умом, получив похоронки. Кто его знает, что произошло с Глафирой? Может, и сошла с ума.

Тут вышла Пелагея:

— Здравствуй, Глаша, ты меня звала?

— Палашенька! Я у вас чичас была, Егорке штаны да рубаху Сеньки моево решила принесть. А он как закричит… ня могу понять чавой, а он грит, на мамку яво я шибко похожая. Палашенька, миленькая моя, у тебе Настенька есть… Валя есть. Одна я, никаво у мене, и ня будеть ужо. В хате хочь волком вой. Летом ишшо ничаво, а зимой, Палаша, миленькая моя. Ты жа ня прявыкла ишшо к яму? Нет? Пущай со мной будять жить санок мой. Егорушка. Палашенька… на мамку яво похожа я, Палашенька. Слышишь ты мене иль нет? Чавой молчишь-то? Палаша…

Пелагея стояла как изваяние не в силах вымолвить ни слова. Как ни пыталась она скрыть своих слез, но они непрошено текли по щекам.

Глафира кинулась на колени и обняла Пелагею за ноги. Женщина безудержно рыдала. Все доярки вышли на шум во двор: никто ничего не понимал. Женщины переговаривались между собой, строя разные домыслы.

— Да ты что, Глаша, а ну поднимайся, — пришла в себя Пелагея, когда Глафира упала перед ней на колени, — Васильевна, помогите, не могу я ее поднять, или сама упаду.

Но все женщины уже и сами кинулись поднимать Глашу.

— Палаша, пущай мальчонка у мене живеть. Пущай у мене живеть, — как безумная твердила бедная женщина.

— Глашенька, ну если он сам захочет, — растерянно проговорила Пелагея.

— Спасибо, спасибо тебе! — зачастила Глафира. — Я прямо чичас побягу и спрошу у яво.

— Обожди, с тобой пойду. Васильевна… — повернулась Пелагея к звеньевой.

Та тут же махнула рукой со словами:

— Идите с Богом. Дай-то Бог. Дай-то Бог.

Она сама уже всхлипывала, как и все остальные доярки.

…Пока шли до хаты, Глафира все время забегала вперед, но потом возвращалась. Она бесконечно что-то говорила, и, когда подходила к Пелагее, то она слышала обрывки ее фраз.

— …однажды от Сеньки осталосси… уж как мы с им заживем… фрицы проклятые…

Когда до дома осталось не больше пятнадцати метров, Глафира остановилась как вкопанная.

— Чего это ты? — удивилась Пелагея.

— Палаша, а ежеля он не захочеть?

Пелагея пожала плечами.

— Почему? С чего бы?

— Ня знай. К вама ужо привык.

— За два дня? — усомнилась Пелагея. — Глафира, так надо пойти и спросить.

— Боязно мене, Палаша. Можат, ты?

— Хорошо, — кивнула Пелагея. — Стой тут. Я сама.

Зашла во двор и сразу столкнулась с Валей.

— Глашка у нас была, растутыд ее в качель. Хочь бы и ня приходила!

— Почему? Что случилось? — напрягалась Пелагея.

— Пацан реветь белугой, мамку вспомнил. Похожа она шибко на яе.

— Валя, слушай. Глаша сейчас на ферму пришла ко мне и просит, чтобы Егорушка с ней жил.

Валя всплеснула руками:

— Так и он того жа хочеть. Кричал тута, и мене говорить, што хочеть, штоба она яво мамка была. А я яво успокаиваю и грю: мы у яе спросим. Можат, и она захочеть, а он…

— Глаша, — крикнула Пелагея, не дослушав Валентину. — Иди сюда, не бойся. Все хорошо.

…Через несколько минут Егор и Глаша ушли из дома Вали, крепко держась за руки…

Часть 13

В этот же вечер во двор явился Егор, снял картуз и принялся неистово мять его в руках:

— Палаша, ты прости мене, дурака, за усе. И за измену, и за то, што у саду было у тот раз. Прости. Увидел тебе, колыхнулось усе. Припомнилоси… как усе было у нас с тобой… понямаю, што назад пути нету… прости. Шибко виноват я перед тобой. Больша ня повторитси.

— Любишь ее? — замирая спросила Пелагея.

Егор опустил голову.

— Люблю, — прошептал еле слышно.

— Было у тебя с ней чего до войны? Только честно. Чего уж теперь…

— Было… — ответил негромко. — Пошто ворошить былое…

— Ладно, Егор, все нормально. Не думай об этом. Было и было! Кто старое помянет, тому глаз вон! — успокоила Пелагея бывшего мужа. — Я твоему счастью препятствовать не буду.

— Ты, енто, ежеля чавой подсобить — так я завсегда. Не чужия мы! — встрепенулся Егор.

— Ну понятное дело. Мать же твоя… ходи, конечно. Я ж разве против?

— Да нет, Палашенька, — перебил Егор. — Не о том я. Ежеля тебе самой чавой помочь, так ты, енто, смело проси мене. Можат, с Настей поговорить. Мало ли — мужика нет у вас. Бываеть, што и девке мужское слово надоть, не токма парню. А усе остальное — ты не сумневайси. Дрова тама аль ишшо чавой. Плетень вона повис, подправлю. И посоветоваться, ежеля о чем надо.

— Хорошо, Егор, поняла тебя. Иди, поздно уже. Анфиса ждет тебя. Не надо ей сейчас волноваться, вредно. Стране нужны здоровые, крепкие ребята. А мы с тобой — не чужие. Это верно.

Егор помялся и все-таки задал мучивший его вопрос, и Пелагея сразу поняла, что он приходил, скорее всего, именно из-за этого.

— А кто енто у тебе был вчерась? Мужик. Вроде ненашенский?

— Теперь нашенский. Учитель это новый, — чуть помолчав, добавила Пелагея. — Коммунист.

Ей почему-то было стыдно перед Егором за то, что у нее был мужчина на дворе и в хате. Она сама на себя рассердилась за это и погнала Егора прочь.

— Ступай, тебя жена молодая ждет. Некогда мне тут с тобой разговоры разговаривать, — но потом вдруг вспомнила, о чем говорили с Петром. — Послушай, Егор, о тебе ведь говорили!

— Да ты што? — удивился Егор. — Чавой?

— Я тебя в коммунисты рекомендовала! Как ты смотришь на это?

Егор весь вспыхнул:

— Палаша, да я жа… да как жа… а ты што жа, партейная?

Пелагея кивнула:

— В окопе вступила.

— А мене усе никак ня получилоси. То бой, то вброд идем, то госпиталь.

— Вот теперь есть у тебя возможность.

— А как жа енто? Ну… то, што я…

— Не знаю, Егор, — честно призналась Пелагея. — На бюро решат. На фронте проще было. Теперь много вопросов зададут.

— Благодарствую, Палаша, што не злисси на мене и у партию рекомендовала.

— Егор, ты хороший мужик. Иначе я бы не жила с тобой, и не жалела бы сейчас, что не мой ты больше.

— Палаша…

— Иди, Егор. Молодая жена тебя ждет.

«Любимая», — добавила мысленно.

А Анфиса тем временем пряталась за изгородью. Она не слышала, о чем вели разговор Пелагея и Егор, но на душе у нее был тяжелый камень. Видела она Егора и тогда, когда он обнимал и целовал полуголую Пелагею в саду. Как только Пелагея появилась в деревне, Анфиска потеряла покой. Да еще и соседка при случае подзуживала:

— Мотри, Анфиска, уйдеть Егор, и прально сделаеть. Я бы на твоем месте и сама яво погнала к жене родной. Ты кто? Так себе! Приблуда. Жена ему не ты, а Палашка.

— От и сиди на своем месте и рот закрой! А то гляди, усе окна повышибаю тебе ночью, — не давала спуску соседке Анфиска, но зерно сомнения было заложено.

Поняв, что Егор вот-вот направится домой, она покинула свой наблюдательный пункт и побежала до хаты, чтобы прийти первой.

Вслед за Егором следующие гостьи пожаловали в дом Пелагеи.

— Да чавой жа енто такое? — возмутилась Валя. — Не даете рабочему человеку отдыхать. Ня ела ишшо, ходють и ходють.

— Ничего, Валя, — ласково осадила ее Пелагея. — Проходите, бабы. Чего хотели? Слушаю вас.

— Пелагея, вот ты давеча мальчонку из городу привязла, Егорушку. Глашке он приглянулси, и она яму. Мотрим, он ужо у ее на дворе. Так, можат, и нам кто в городе из робят приглянется? А мы им? Как ты думашь? У город хотим податьси завтре! Есть тама ишшо робята? Хотим тожа санков, а можат, и дочек взять себе, — волнуясь проговорила самая старшая из баб — Наталья.

Остальные оживленно и одобрительно загалдели.

— Да, Палаша, как ба нам тожа робятов хотелоси. А им ишть мамок надо жа.

— Бабоньки! — улыбнулась и обняла баб Пелагея. — Ах какие же вы молодцы у меня! Да есть, конечно, есть такие ребята! Думаю, много их. Конечно же, ждут они вас! Да и девки есть! Правда, с девками посложнее будет, а пацанов ищите!

— Токма иде жа их искать, Палашенька?

— Вот не знаю, вот не скажу! — развела руками Пелагея, но ее тут же осенила мысль. — Так идите на рынок! А давайте у Егорки и спросим. Ох и молодцы, бабы! Да как же мне самой эта мысль в голову не пришла? А есть еще такие, кто у нас в деревне без детей да без мужа остался?

— Таки полно! — принялась перечислять Валя. — Семеновна осталаси без мужа и без робят, Михайловна тожать. Да я думаю, и те бабы, у которых сыновья да дочери ужо взрослыя, да одни они осталиси, возьмут тожа робятенков, если те по городу шаромыжничають без присмотра да без батьки с мамкой.

— Так, бабы! Собирайтесь, завтра все поедем в город централизованно, будем этот вопрос решать! Зайду к секретарю, все у него выспрошу, выясню. Мне тоже для Настеньки и для Егорки документы надо делать, и ваши ребята, которых найдем, скорее всего без документов будут, поэтому все поедем до секретаря сначала. Посоветуемся. Многих, наверное, сейчас уже и в детдома определили. Но я так думаю, что немало есть и таких, которые совсем одни остались, в детдома не хотят. Так что давайте, бабы, решение хорошее вы приняли.

Бабы загалдели одобрительно и засыпали Пелагею вопросами. Она ответила на все, удовлетворенные бабы, шумно переговариваясь, разбрелись по хатам. Наконец-то Валя усадила Пелагею за стол, приговаривая:

— Голодныя мотаишси, совсема худая, глазья одне торчать. А ну ешь давай! Кулеш стряпала. Кусный такой.

Пелагея сидела и сама не замечала, как улыбалась.

— Валя, — тихо проговорила она, — спасибо тебе.

Валя, не переставая хлопотать, зачастила:

— Погодь, ня отведала ишшо. Потома кажешь мене.

От той доброты и спокойствия, которым веяло от Вали, по телу Пелагея растекалось тепло и умиротворение.

«Господи, — подумала она, партийная, — как же хорошо! Не допусти, Боже, больше войны этой страшной. Пусть еды будет мало, пусть одежды не будет, только дай нам мир! Пусть живут люди, а бабы рожают!»

…После ужина Пелагея вышла на перекур. Мимо проходил Петро Иваныч, женщина поняла, что не просто так, и пригласила его зайти. Он, сильно смущаясь, зашел, поздоровался, тоже закурил, не забыв предложить папироску и Пелагее, но она, как и в прошлый раз, отказалась с улыбкой.

— Жаль, что сегодня не смогли заседание провести, — промолвил он, выдувая дым.

Пелагея тоже глубоко затянулась и кивнула:

— Бывает. Лето — жаркая пора. Степана часто в район вызывают, и завтра не получится, Петро Иваныч.

— А почему же? — поинтересовался учитель.

— Завтра мы с бабами в город едем. Хотим детишек беспризорных отыскать и в деревню привезти. А перед этим к секретарю заеду, чтобы все по закону. Да и моим бумаги нужны: Настеньке и Егорке.

Петро Иваныч восхищенно смотрел на Пелагею:

— Какие же вы молодцы!

Вот это решение. Ай да бабы! Ай да Пелагея Прохоровна.

— Да ну! — засмущалась Пелагея. — Не моя это идея, и я очень сожалею, что не додумалась до этого сама.

— А возьмите меня с собой? — вдруг предложил учитель.

— Конечно! — радостно ответила Пелагея, и ее сердце забилось чаще.

Часть 14

— Вы же педагог! Какая отличная идея! Только нужно спозоранку. В пять утра уже трогаемся. Сможете так рано? Вы же не деревенский, не привычный вставать раньше петухов.

— Готов хоть сейчас, — рассмеялся учитель.

Пелагея подхватила его задорный смех.

Но учитель вдруг стал серьезным и тихо сказал:

— Бывало и по четверо суток не спали, а потом марш-бросок. Идешь и спишь…

— Простите! — смутилась Пелагея, поняв, что болтанула глупость.

Человек воевал, а она его уличает в том, что, дескать, городской, пороху деревенского не нюхал. А он нюхал настоящий, боевой, не деревенский. А это всем порохам — порох.

Вышла Валя и разрядила напряжение. Она поздоровалась и принялась приглашать учителя:

— Петро Иваныч, милости просим. Чай поспел, а можат, исть? Кулеш знатный у мене севодни.

— А вот сегодня не откажусь! — улыбнулся учитель, и все в очередной раз заметили, какая у него добрая и лучистая улыбка.

Пелагея внимательно посмотрела на него и подумала: «Такой красавец! Видно, от баб отбоя не было, пока холостой был!»

Она почему-то была уверена, что Петр был верным мужем и не смотрел по сторонам после свадьбы.

Петр Иваныч отведал Валиного кулеша и попросил добавки со словами:

— Знатный кулеш! Такой моя бабушка Прасковья Сергеевна готовила. Тоже деревенская была, крепостная.

Пелагея с интересом посмотрела на Петра:

— Из наших краев?

— Нет, из Архангельской губернии.

— Ого, а как же здесь оказались?

— О, это длинная и весьма интересная история. Расскажу как-нибудь.

— Ну хоть намекните! — попросила Пелагея.

Глаза Валентины тоже загорелись от интереса:

— Любовь либошто?

— Угадали, Степановна. Мой дед влюбился в бабушку без памяти, а было ей всего пятнадцать лет, и крепостная к тому же. Пошел дед к барину, он был вольный, да тот на него только руками замахал: что ты, что ты! А бабушка моя была из рода кружевниц. Такие плели кружева знатные! Барин тот за границу их вывозил, продавал дорого. Делать нечего, уехал дед мой Феофан ни с чем. А когда вольную всем дали, так он бегом побежал в ту деревню, Хвостово… да заболел по дороге, тиф или еще что-то, в общем, провалялся почти два месяца в бреду, но как только очнулся, слабый, худой, но дошел до любви своей. Все сложилось у них, хорошо жили в любви, шестнадцать детей бабушка родила.

— Вот это да! — восхитилась Пелагея.

— И у нас Хвостово есть! — непонятно к чему сообщила Валя. Было видно, что ее потрясла история любви, а, может, она свою вспомнила, только непрошеные слезы прокатились из глаз женщины, она засмущалась и засуетилась:

— Чаю, чаю, давайте чайку выпьем. Пряники у мене есть. Севодни у сельпо давали.

…Утром Анфиса отпросилась у звеньевой на весь день, объяснив нужду так:

— Поеду до дядьки своева в Бурное. Хворает он шибко, подсобить надо.

Сильно удивилась звеньевая — худая баба Анисья.

— Таки откудава взялси у тебе тама дядька? Ня было жа никада…

— Да ты чавой, усю мою родню знашь? — усмехнулась Анфиса.

— Уроде тово.

— Ня знашь. Отпускашь аль нет? Говори!

— Ехай, — коротко ответила звеньевая. — Коль надоть. Што жа мужик хворый тама один. Негоже…

Тем же утром бабы, отпросившись у самого председателя и сообщив ему, с какой целью едут в город, во главе с Пелагеей и учителем тронулись в путь на двух подводах.

На одной из них, весело болтая ногами и похрустывая морковками, сидели Настенька и Егорушка.

— Ну как тебе у тетки Глаши? Нравится? — спросила Настя.

Егор кивнул:

— Очень нравится. Она мне вчера пирожков напекла! Такие вкусные! Спать на кровать уложила, а сама долго сидела рядом со мной, плакала. Я потом ее обнял и сказал, что никому в обиду не дам. Хотел ее успокоить, а она еще сильнее расплакалась. А потом молилась долго, все шептала и шептала. Нась, а ты как думаешь, тетка Пелагея и баба Валя не обиделись на меня?

— За что? — удивилась Настя.

— Ну как? Я же ушел.

— Егор, ну ты же не сын тетке Пелагее! Чего обижаться?

— Ну не знаю! Думаешь, не обиделись?

— Нет! Они рады! Ой, ну не потому что ты ушел, нет, а просто…

— Я понял! За меня рады! И за тетку Глашу.

— Да! Егор…

— Чего?

— А ты будешь ее мамой называть?

Егор выпучил глаза:

— Не знаю, — прошептал он. — Не подумал об этом. А ты?

— Что я?

— Ну ты будешь тетку Пелагею мамой называть?

— И я не знаю! Не подумала об этом!

Дети тяжело вздохнули.

Бездетные бабы глядели на них, умиляясь. Каждая норовила погладить по головке или что-нибудь спросить.

Наталья мелко перекрестилась и прошептала:

— Царица небесныя, ня оставь нас, прябудь с намя! Подсоби нама севодни! Дай нама вернутьси к вечере у деревню с робятишками. Да штоба санкАми нам стали аль доченьками.

Бабы затянули красивую песню, Пелагея вместе с ними. Петр сидел рядом и слышал, какой у нее чистый красивый грудной голос. Он любовался ею, совершенно не думая о том, как бы он ее целовал или что другое… Его чувство к ней было светлым и чистым как к женщине-матери, как к герою войны. На груди у женщины красовался Орден Красного Знамени, и это означало, что она вынесла с поля боя больше сорока раненых. Но также Петр полностью осознавал и свое другое чувство: ему хотелось ее видеть все время, быть с ней рядом, говорить с ней, слушать ее. Была ли это любовь, он не мог сказать, но эта женщина притягивала его как магнит. Делать какие-то попытки к сближению он не был готов, ему казалось, что она совершенно равнодушна к нему. Ах если бы он только знал, что почти то же самое испытывает и Пелагея! Ей тоже нравился учитель. Она не думала о нем, как о возможном партнере, но как о друге. Ей нравился его прямой взгляд, цепкие глубоко посаженные зеленые глаза, густые светлые брови, такие же светлые волосы. Пелагея даже поймала себя на мысли, что хочет потрогать

их. Но пока это было невозможно. Так потихоньку, не торопясь, доехали до райкома. Петро помог Пелагее сойти с телеги, они оказались так близко, что ощутили дыхание друг друга.

— От вас пахнет малиной! — шепнул Петро.

— Я горсть успела собрать перед выходом, — также тихо ответила Пелагея. — А от вас одеколоном! Откуда? Так приятно!

— Трофейный! — пояснил Петр.

Ничего не ускользает от взгляда деревенских. Тут же посыпались шуточки и от баб, и от деда Тимохи.

— Петро Иваныч, ты мотри, посторожнее, Палашка — баба сильная!

— Одной схватить, а другой прихлопнеть!

— Она, знашь, до войны-то телят на себе таскала.

Петр Иваныч удивленно посмотрел на Пелагею.

— Было дело, — подтвердила она. — А куда деваться?

А Настя так и прямо спросила, хорошо, что тихо:

— Тетка Пелагея, а ты если за Петро Иваныча выйдешь, так к нему в школу уйдешь? Или он к нам в хату придет?

Пелагея покраснела до корней волос и быстро посмотрела на учителя, не слышал ли он. Но Петр принялся шутить вместе со всеми, мягко переведя тему на колхозную жизнь. Пелагее это понравилось, что он не рассердился на шутки, а развеселился. Деревенские это ценят.

— Настя, с чего ты взяла? — ответила она девочке. — Никто никуда не придет и не уйдет.

— Не бросишь меня?

— Да ты что? С чего такие разговоры? Никогда я тебя не брошу!

— Обещаешь?

— Слово коммуниста. Устроит тебя?

Вместо ответа Настя крепко обняла Пелагею.

Часть 15

Секретарь приветствовал Пелагею как родную.

— Пелагея Прохоровна, милости просим! — раскрыл он объятия.

А увидев и учителя вместе с нею, расцвел пуще прежнего и пошутил:

— Неужто назад сдавать учителя приехали? Не понравился?

Все трое дружно рассмеялись, поздоровались, крепко пожав друг другу руки. Пелагея тоже по-мужски пожала руку секретарю.

Он выжидательно посмотрел на своих посетителей. С чем приехали, мол?

— Виктор Николаевич, а мы не одни к вам, гляньте в окно.

Пелагея не знала, с чего начать, и потому решила начать по-свойски. Заварзин ей понравился. Он был простой, добрый человек. Пелагея хорошо разбиралась в людях.

— А кто же там? — секретарь резво приподнялся и посмотрел в окно. — Ого! Почти всем колхозом. Выкладывайте! Что у вас стряслось?

— Виктор Николаевич, в прошлый раз на рынке к нам мальчишка прибился: рваный, грязный, голодный. Егорка…сирота… Забрала я его в деревню, да у меня еще девочка есть, Настенька, из Гурзовки я ее привезла. Тоже круглая сирота, спасла она меня. Если б не она…

— Понимаю вас, Пелагея Прохоровна, и одобряю. Документы справим вашим ребятам. Правильно я вас понял? Бумаги нужны?

— Да, Виктор Николаевич. Все верно. А бабы на подводах — все солдатки. У кого одна похоронка, а у кого и восемь. А есть в деревне и такие, что выросли за войну: было семнадцать, а теперь двадцать, замуж охота, детей, созрели уже. А где они мужики? На одного десять баб смотрит. Он бы и рад турецким султаном стать. Да не для нас это. Чуждо нам, да и партия не одобряет.

Виктор Николаевич тяжело вздохнул:

— Понимаю тебя, Пелагея! Ох как понимаю. В нашем доме только моя жена замужем. За мной! Ловлю я на себе голодные взгляды женщин. Прихорашиваются, одеваются, хотят простого женского счастья! А как его создать без семьи? Счастье женщины в любви, в детях, в заботе. Понимаю…

Пелагея так разволновалась, что не могла продолжать, Петро пришел ей на помощь.

— Виктор Николаевич, хотим поехать снова на рынок и туда, куда Егорка покажет, пособираем детей беспризорных да в деревню отвезем! Поможете с документами?

Секретарь тут же протянул руку учителю, пожал крепко, обнялись.

— Вот это партийная работа у вас закипела! Молодец, Петро.

— Да что вы! Я тут ни при чем. Это все бабы наши, деревенские.

— Наши русские женщины! — с любовью глядя в окно, промолвил Виктор Николаевич.

— Можете во всем рассчитывать на меня. Помогу! Непременно. Если не найдете ребят на улицах, езжайте в детский дом. Я сейчас дам распоряжение. Там ребят полно! Приглашайте к себе в деревню хоть всех. Да, много их там… Слушай, Петро, — секретарь положил руку на плечо учителю, — а как думаешь, если по всей области клич кинуть? Может, еще какие бабы захотят детей взять?

— Уверен! — твердо ответил учитель.

— Поддерживаю! — подала голос Пелагея. — Все бабы детей возьмут: и молодые, и постарше. Виктор Николаевич, нужны будут документы на ребят. А на Настеньку с Егоркой можно уже прямо сегодня.

— Ох, какая быстрая! Не успеть за тобой! — похвалил Виктор Николаевич. — Напишу распоряжение, езжайте в ЗАГС, все получите без проволочек.

— Спасибо вам огромное, товарищ Заварзин.

— Да чего уж мне, Пелагея Прохоровна. Тебе спасибо. У меня, знаешь, какая проблема с беспризорниками, — секретарь провел ребром ладони под подбородком. — Ты мне, знаешь, какую услугу оказываешь? Вот!

Не знаешь. А меня ЦК каждый день бомбит. Заведующая отделом по работе с молодежью — баба-огонь. Типа тебя! Фронтовичка, снайпер. Сто восемьдесят фрицев уложила.

Виктор Николаевич многозначительно посмотрел на своих посетителей.

— Орденоносец. Как ты, Пелагея. Вот так! Какие люди!

Какие люди! Кстати, тоже взяла трех пацанов из детдома. Сказала, что еще двоих возьмет. А если бы в деревне жила, то и вообще десять человек взяла.

— Виктор Николаевич, это она погорячилась: нет столько еды у нас, а пацанов кормить надо, они голодные. Вон Егорка целыми днями что-то жует. Глаша не успевает стряпать.

— Так сейте, сажайте больше. Стельные коровы-то есть у вас?

— Есть, Виктор Николаевич.

— Ну вот вам и харчи. Что еще надо? Муки я вам выделю, хоть сегодня заезжайте на склад. Мешков десять выпишу, — и он принялся что-то писать. — Вот вам для ЗАГСа, для детдома и для склада. Увезете десять мешков-то?

— Было бы что везти, — радостно проговорила Пелагея. — Увезем, унесем, упрем!

Из райкома Пелагея и учитель вышли радостные. Бабы обступили их и наперебой стали спрашивать про дела.

— Ну чавой там, Палаша?

— Ня томи!

— Получилоси?

— Дал добро?

— Рассказуй усе как на духу.

— Бабы, все как нельзя лучше складывается! — обрадовала всех Пелагея. — И муку выбили, и бумаги в ЗАГС, и в детдом получили. Но сначала поедем за мукой, так надежнее. Ребята всегда на месте, а муку могут разобрать. Уверена, не только нам секретарь помогает. Эх, хороший он мужик! Правильный, настоящий коммунист. А потом, куда Егорка скажет. Ребята в детдоме уже при месте, накормлены, напоены, одеты. Мы пока беспризорных посмотрим.

Бабы одобрительно зашумели.

— Прально, Палаша.

— Поехали!

— Егорка, куды ж нам?

Егор растерялся: на него смотрели несколько десятков глаз.

— Давайте на рынок сначала. Я там одно место знаю: Ванька и Петька — братья, точно живут в подполе. А потом еще одно покажу. Там Федька, Назар и Серега прятались.

— Ого! Уже пятеро. А ну давай, поехали.

На складе десять мешков быстро погрузили на подводу. Петро восхитился женщинами: как они легко вдвоем подхватывали тяжеленную ношу, еще и шутить умудрялись.

Поистине прав был поэт: «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

— А ну-ка, бабы! Хорош вам мужиками быть! А ну в сторонку. Сам все перетаскаю!

Учитель легко вскинул мешок на спину и понес к подводе.

Бабы ошалело глядели ему вслед.

— Ну и Петро Иваныч! Вот так орел! — прошел шепоток. — Повезло Палашке.

Пелагея тоже невольно залюбовалась учителем, а, услышав разговоры баб, смутилась:

— Да ладно вам, бабы! Ну чего вы напридумывали!

Тут вдруг к Петру подскочили два оборванных ребятенка:

— Дядь, а давай поможем! Дашь десять копеек хоть?

Петро скинул мешок на подводу, посмотрел на ребят.

— А ну пойдем, ребятня! Кажется, вы не только по гривеннику получите.

Петр подвел ребят к бабам, те так растерялись, что не могли вымолвить и слова. И тут вдруг Егорка взял инициативу в свои руки:

— Здорово, хлопцы! — и протянул руку пацанам.

Они несмело, но пожали.

Ну тут уж и бабы в себя пришли.

— А што хлопчики, подсобите нам, а мы вам из ентой муки пирогов напечем!

— Пирогов? — недоверчиво переспросил один из ребят.

— Пирогов! Тебе как кличуть?

— Акимкой, а яво Дениской. Не говорит он. Испужалси сильно бомбежки и не говорит с тех пор. Но слышит хорошо. Да, Дениска?

Мальчишка радостно кивнул.

— А ежеля хошь, так и кажный день вам пироги будуть!

— Брешешь! — выпалил Акимка.

— Не брешет, — вмешался Егор. — У нас в деревне все бабы знатно готовят. Я же тоже как ты помогать им взялся, а они в деревню позвали. Живу сейчас с теткой Глашей. Ох и хорошая она! Как мамка. А ваша мамка где?

— Моя мамка за керосином ушла… давно… и не пришла. Не знаю, где она. А Денискина погибла на фронте, и батя его погиб. Он у бабки жил, померла она.

Бабы с замиранием сердца слушали разговор ребят, не вмешивались, боясь спугнуть хрупкое наведение мостов.

— А ты почем знаешь, он же не говорит.

— Тогда говорил. Мы давно вместе.

— Так что? Поедете в деревню?

Акимка посмотрел на Дениску, тот кивнул.

— Только если не понравится, мы уедем, — и пацан посмотрел на взрослых. Бабы приняли этот взгляд как вопрос им.

— Уйдете, уйдете миленькия, вот дед Тимоша вас назад и отвезеть, коль ня по душе вама придетси наша деревня.

Часть 16

Когда все мешки были погружены на телеги, и женщины с ребятней тоже уселись, Петр тихо спросил у Пелагеи:

— На рынок поедем?

— Конечно! А почему нет?

— Не спугнем Дениску с Акимкой? Подумают, что мы собираем ребят для чего-то.

— Для чего? — удивилась Пелагея.

— Ходят слухи, что беспризорники не хотят в детдом. Так вот ребята наши могут подумать, что туда.

— Поедем на рынок! — твердо сказала Пелагея. — Там решим по ходу дела.

Петру нравилась ее решительность, ум, честность, твердость. Но закрадывалась мысль: а хорошо ли это для семейной жизни? Его Верочка была тихая, женственная, нежная, ласковая, во всем его слушалась. Он привык быть главным в семье.

«В семье!» — мысленно проговорил учитель и улыбнулся. А ведь он действительно хочет создать семью с Пелагеей Хворостенковой. Именно с ней: вот такой, какая она есть — прямая, ответственная, решительная, открытая. И самое главное, учитель чувствовал, что она так же, как и он, решила посвятить себя служению народу! Он чувствовал полное единение с этой женщиной. «Хорошая ячейка у нас получится! — удовлетворенно подумал он, и тут же испугался своих мыслей. — А захочет ли она? Что же я, дурак, все распланировал, а она, наверное, еще мужа своего любит! Возомнил себе, осел!» — поругал себя учитель.

Тем временем Наталья уже голубила пацанят и угощала хлебушком и яйцами.

Пелагея посмотрела на них и шепотом обратилась к Петру:

— Ребятишки для Натальи готовы, не отпустит она их. Это точно. Да и они не захотят от нее уходить. Хорошая она баба.

Петр кивнул: да, мол, согласен с вами.

— А другим бабам детишек на рынке поищем. Как Егорка говорил — Федя, Сергей?

— Да, вроде так. Пятеро ребят там должно быть.

Когда приехали на рынок, то решили, что Егор с учителем отправятся на поиски ребят одни. Так будет лучше. Повезло: все пятеро сидели у пустого прилавка. Когда учитель и Егор подошли поближе, то увидели, что ребята жадно ели кукурузу.

Увидев Егорку, они открыли рты от удивления. Ведь он был чисто вымыт и хорошо одет.

Первым опомнился Федя: он был старшим в этой компании.

— Егорка, ты, штоль?

— Ага, — подтвердил Егор, — я. А это дядя Петя.

Учитель мысленно похвалил мальчонку за сообразительность. Дядя — это так тепло и по-доброму.

— Здорово, пацаны, — учитель протянул руку каждому.

Ребята несмело, но тоже протянули свои грязные ладошки. На ребят было страшно смотреть: чумазые, лохматые, оборванные, с ввалившимися от худобы глазами и остренькими носиками.

Даже самый старший, Федя, выглядел как пятилетний ребенок, хотя ему было десять.

— Егор, а ты как так? Ты где же сейчас? — задал вопросы Федор.

Он внимательно рассматривал Егора, ничего не понимая. Ведь еще недавно Егорка тоже жил на рынке, выглядел так же, как они, а теперь? Чистая новая рубаха, хорошие холщовые штаны, кожаные сапожки. Чистый такой, что даже сияет. Но самое главное — Федя понимал, что Егор сыт. Это было видно.

Все остальные пацанята тоже не могли прийти в себя, глядя на Егора.

— Да я давеча упал от голода здесь, на рынке, а тетка Пелагея меня подобрала, накормила и предложила к ней в деревню поехать. Я согласился. Чего я на этом рынке не видел? А там хорошо, сытно. Я теперь у тетки Глаши живу, я ей глянулся, а она мне. Шибко на мамку мою похожа… — вздохнул Егор.

Федька, с надеждой глянув на Егора, спросил:

— Еды много там?

— Не много, — не стал врать мальчонка, — но я не голодный.

— А нам можно? — не удержался пацан помладше и влез в разговор подростков.

— Так надо спросить у тетки Пелагеи, она со мной, — Егор улыбнулся. — То есть я с ней.

Но тут Петр Иваныч взял инициативу в свои руки:

— Можно, пошли пацаны. А поесть прямо сейчас найдем вам.

Пацаны переглянулись.

— Егорка, — тихонько окликнул Федя. — Он не брешет? Вы зачем сюда приехали?

Мальчишка напрягся, ожидая ответа.

— Больно он на фараона переодетого смахивает. В детдом не потащит? Точно? Отвечаешь?

— Нет, нет, ты че? — замахал руками Егор. — В деревню поедем, точно говорю тебе. Скажу по секрету, мы, наоборот, хотим из детдома ребят забрать.

Федя недоверчиво посмотрел на Егора.

— Смотри, — Егор показал рукой, — отсюда видно: вон телеги, а на них тетки сидят. Мука у нас. Хлеб, пироги печь будут.

У пацанов загорелись глаза.

— Ну пошли, коль так, — быстро согласился Федор и махнул рукой пацанам, а те уже давно поняли, о чем идет речь — только того и ждали. Они с готовностью соскочили с прилавка и отправились к телегам.

Егор и Петр Иваныч радостно переглянулись.

Бабы встретили пацанят с добрыми улыбками. Пелагея видела, что они не присматриваются к ним как к товару, а тут же деловито полезли в свои узлы, желая угостить ребят повкуснее.

Вмиг на телеге было расчищено место. Анисья постелила белоснежный вышитый рушник, и на нем появился хлеб, картошка, яйца, зелень, пироги, огурцы и сало.

Ребята как завороженные смотрели на такое действо.

— Это что же, все нам? — удивился Федор.

— Давайте, айдате, хлопчики, — пригласила Варвара, — отведайте нашева, деревенскова.

Мальчишки прежде всего схватили по куску хлеба и принялись жадно есть.

Тут только Сергей увидел Акимку и Дениску.

— А вы чего ж? Или вас уже накормили?

— А мы ужо поели маненько.

— Тоже в деревню хотите? — спросил Федор.

Пацанята кивнули.

— Посмотрим! Может, и останемся. В городе мы все знаем. Охота и в деревне поглядеть: что да как!

Следующий пункт был ЗАГС, там вообще все легко и быстро получилось. Документы на Настеньку и Егорку получили достаточно быстро.

Пелагея лишь сомневалась, что-же писать у Настеньки в графе «отец». Матерью, нисколько не сомневаясь, она назвала себя. А вот кого же записать отцом?

— Пиши мужа моего! — вдруг решительно попросила она. — Хворостенкова Егора Пантелеевича.

А вот на Егорку было решено выписать документ с именами его настоящих родителей. Он отлично помнил и свою фамилию, и имена отчества своих родителей.

— Молодец! — похвалила Пелагея.

Настенька вдруг горько расплакалась.

— Мне и самой так больно от того, что я помню только имена мамы и папы, а больше ничего. Даже фамилию свою не помню.

Пелагея обняла девочку и поцеловала в волосики:

— Ничего, ничего, милая моя, хорошая моя! Все будет хорошо!

В детдоме, как ни странно, все оказалось гораздо сложнее, чем на улице. Ребята все были зарегистрированы и на учете. Старший воспитатель с сомнением протянула:

— Ну как вы себе это представляете? Ребята, а кто хочет стать моим сынком? Так они все хотят. Могут молчать, не признаваться, но совершенно определенно вам заявляю: абсолютно все мечтают снова попасть в семью.

— Как же быть? — растерялась Пелагея. — Мы вот на улице семерых ребят нашли, везем в деревню. Думали, что у вас вообще все просто будет.

— Ошиблись! — твердо пресекла ее педагог. — Ярмарку детей не позволю устраивать. Вы пятерых заберете, а остальных ребят куда? У меня их двадцать пять человек.

— Только-то?

— Что значит «только-то»? — опешила женщина.

— Мы всех возьмем, если они сами захотят! — твердо сказала Пелагея.

Мысленно она уже прикинула, что без детей остались шесть баб из приехавших сегодня. Остается девятнадцать ребят. В деревне точно есть столько баб без мужей и без детей, но Пелагея еще твердо верила в то, что ребят возьмут и те, у кого дети есть.

— Ну хорошо! — согласилась старший воспитатель. — Я их сейчас соберу в красном уголке.

Пелагею волновал лишь вопрос, как они доставят ребят в деревню.

— А можно от вас в райком позвонить, товарищу Заварзину?

Педагог пожала плечами:

— Звоните.

Вечером въезжали в деревню на двух подводах, а сзади на черепашьей скорости плелся грузовик, в кузове сидели тринадцать ребят из детдома, которые согласились ехать в деревню.

Валя встретила Пелагею заплаканная.

— Что случилось? — перепугалась Пелагея. — С Егором? С Анфисой?

Валя покачала головой. С лавки поднялся молодой мужчина в милицейской форме.

Часть 17

— Палашенька! Тебе вона дожидается! — сквозь слезы проговорила Валя.

— Почему ты плачешь? — удивилась Пелагея.

— Так милиция жа!

— Ну и что? Я ничего плохого не делала, — Пелагея была в недоумении.

— Вы Пелагея Хворостенкова? — спросил милиционер.

Было видно, что он растерялся, увидев культю Пелагеи и ее орден.

— Да, это я! А в чем дело?

— Вам придется проехать со мной.

— Проехать? Куда? На чем?

— В город. Машина около сельсовета! Я сейчас подгоню. Ждите! — коротко бросил милиционер и быстро удалился.

Пелагея осталась стоять с открытым ртом.

— Я поеду с тобой! — решительно проговорил Петр Иваныч. — Не нравится мне все это.

Он обеспокоено посмотрел на Пелагею.

— Мы что-то сделали не так? Я вообще ничего не понимаю! Если это связано с детьми, то все по согласованию с Заварзиным.

В это время к дому подъехала черная машина. Лейтенант выбрался из нее и обратился к Пелагее:

— Прошу вас, садитесь.

— Вы можете объяснить, в чем дело? — обратился к нему учитель.

— Простите, не уполномочен.

— Тогда я поеду с вами.

— Не положено! — жестко отказал лейтенант.

— Я секретарь партийной ячейки колхоза, имею право. Товарищ Заварзин…

— Я буду решать, кто тут и на что имеет право. Распоряжений насчет провожатых я не получал. Не препятствуйте. Садитесь! — еще раз попросил Пелагею уполномоченный, строго взглянув на нее.

— Петр Иванович! Я думаю, что скоро все выяснится. А вы тут присмотрите, чтобы ребята уже сегодня оказались в семьях, — попросила Пелагея.

— Об этом не волнуйся. Я думаю, Наталья все устроит. А я поеду за тобой!

— Не нужно. Уверена, что это какое-то недоразумение. Я быстро вернусь.

Пелагея села в машину, она тут же тронулась.

Петро чуть не бегом побежал к хате деда Тимохи. Через несколько минут они вдвоем двинулись в сторону города. Тимоха орал на кобылу так, подгоняя ее, что Петро невольно улыбнулся, хотя настроение было хуже некуда.

Увидев милиционера и поняв, что он по душу Пелагеи, Петр испытал неимоверный страх, который пробрался во все уголки, выхолаживая сердце. Оно то сжималось и будто не билось, то набирало такие обороты, что учителю становилось трудно дышать.

Петр понял, что ему дорога эта женщина, и он больше не представляет себе жизни без нее.

…Валя не ложилась: бедная женщина беспокойно ходила из угла в угол, машинально перекладывая вещи с места на место. Настя тоже сидела притихшая, понимая, что произошло что-то очень нехорошее, неправильное. Валя словно забыла о девочке, и, лишь когда совсем стемнело, вдруг опомнилась, захлопотала, собрала на стол и строго сказала:

— Садиси исть и сразу ложиси.

Девочка кивнула, впервые за очень долгое время поела совершенно без аппетита и легла, ничего не спрашивая.

Только добравшись до подушки, дала волю чувствам и расплакалась. Ей было очень страшно от того, что вот ее жизнь только наладилась, и вдруг все оборвалось одним махом. Она очень полюбила и бабу Валю, но в Пелагее души не чаяла и до смерти боялась, что больше никогда ее не увидит.

Молодой милиционер внушал ей ужас. Маленькая девочка понимала, что случилось что-то непоправимое, и, возможно, она никогда больше не увидит Пелагею.

Уже несколько дней подряд Настя давала себе слово, что вот сегодня она назовет Пелагею мамой, но каждый раз язык не слушался, и она не могла вымолвить это простое слово из четырех букв.

…Настенька встала и подошла к Вале:

— Баба Валя, научи меня помолиться и дать обещание Боженьке.

Валя удивленно посмотрела на нее так, будто видела впервые. Она не могла понять, о чем ее просит совсем ненабожная девчушка.

— Баба Валя, я уже давно хотела… назвать тетку Пелагею… — девочка замолчала, заплакала, прижалась к Вале.

— Ах ты жа миленька моя! — Валя погладила Настеньку по волосикам. — Кажи так: Господи Иисусе Христе! Приведи домой мою мамку Пелагею живой и невредимай. А коли будят усе по воле твоей святой, стану кликать ее мамкою услух.

Девочка утерла слезки, приложила ручки к груди и прошептала:

— Господи, обещаю, что буду ее мамой называть. Только приведи ее домой живой и невредимой поскорее. Помоги ей, Господи.

— От так, моя хорошая, от так ладно! Усе будять хорошо! Ня бойся! Ступай, миленькая моя! Ложиси. А коли што, так ты ня бойси, някому я тебе ня отдам. Ты моя унуча таперича.

…Петр вернулся под утро и сразу направился в хату Валентины. Она не спала и будто ждала его, сидела во дворе как изваяние. Слез не было, она лишь повторяла шепотом уже в сотый или даже тысячный раз:

— Господи, спаси и помилуй!

Увидев Петра, она встрепенулась и кинулась к нему:

— Ну, чавой там?

— Долго ничего не говорили, — мрачно начал Петр, — я к Заварзину, из постели его вытащил. Ему сказали.

— Чавой? — выдохнула Валя. — Ня молчи!

— Чертовщина какая-то, Валентина Степановна!

— Ня молчи, ня томи!

— Пелагею обвиняют в разбазаривании народного добра.

— Да как жа енто? — так и села Валя чуть не мимо скамейки.

Петро едва успел ее подхватить.

— Ничего непонятно. Говорят, что привезли в деревню три дня назад пять мешков муки, а в сельпо доставили только четыре. Вроде как один мешок Пелагея себе оставила.

Валя задохнулась от возмущения:

— Да как жа енто? Да что жа? Четыре мешка было. Откудава жа пять? Четыре, Петя! Четыре! Ты мене веришь? Четыре. Ня было пять. Токма четыре!

Валя схватила Петю за грудки и начала трясти.

Петр Иваныч осторожно взял Валю за руки и обнял:

— Верю! Я, конечно, верю, и Заварзин верит! Пелагея душой за народ болеет. Обвинить ее в чем-то может только тот, кто совсем не знает. Только теперь это доказать надо, что четыре мешка было, а не пять.

— Да как жа? Так надо у Натальи спросить, она скажеть, и Ермолай подтвердить, и дед Тимоха. Да и Егорка жа с ними приехал!

— Не знаю! Как бы и их не зацепили. Скажут, что были в сговоре, и вчетвером разделили пятый мешок.

Валя подавила крик, прижав ладонь ко рту.

— Валентина Степановна, — продолжал Петр, — я завтра с ними в город снова поеду, будем доказывать, что ни в чем не виновата Пелагея.

— Слухай, Петро, дык с чавой жа оне узяли, што пять мешков-то было? И про муку откудава знают?

— Загадка! — развел руками Петро.

— Либошто кто-то хочет Палашеньке насолить. Да за што жа? Как появиласи она у деревне, токма одно добро от яе.

— Разберутся! — твердо сказал Петро. — Обязательно разберутся. И я так этого не оставлю. Степановна, накормите меня, а?

Петр умоляюще посмотрел на Валю.

— Только сейчас почувствовал, какой я голодный.

— Айда, айда, соколенок ты мой! — спохватилась Валя. — Затируху стряпала. Ах ты жа!

Валя села на лавку.

— А я жа ишшо, дура старыя, яму казала: давай, мол, затирухи тебе подам. А он как ястреб на мене кинулси! Затирухи, говоришь! А яе жа из муки стряпають. Я казала, што из яе. А он кажет, покажи мене муку свою. Ну я и показала. Коли интересно человеку, што жа ня показать. Он глянул и спрошаеть мене: а ишшо, мол, есть. Тута мало. Я казала: нет! Это уся мука. Плохо, мол, с ею у нас. А он поел, и потома грит, показуй мене свой сарай. А чавой тама показувать: пустой он у мене. А милицейский-то глазами шнырк, шнырк, да и усей хате. Про подпол спрошал, тожа отворила яму, да токма пусто у мене и тама. Мыши дохлой, и той нету.

— Молодец, Степановна, — похвалил учитель. — Хорошо, что показала ему свои малочисленные запасы. Да только они, конечно, построят версию, что ты ничего не знала о махинациях Пелагеи.

Часть 18

На следующий день учитель собрал всех, кто ездил с Пелагеей на рынок продавать морковку: Наталью, деда Тимоху и Ермолая. Егорку брать не стал. Ребенок! Его показания все равно не стали бы учитывать.

В городе пробиться туда, где содержали Пелагею, было не так просто. Обойтись без помощи товарища Заварзина не представлялось возможным.

— Поехали в райком, без секретаря нам тут делать нечего, — предложил Петр Иваныч.

— Добро, — кивнул дед, — а ну пошла, родимая!

Тимоха прикрикнул на лошадь, и та нехотя направилась туда, куда повелел хозяин.

Виктор Николаевич был на месте, с немалой долей беспокойства он встретил Петра:

— Жду вас, волнуюсь. Надо Пелагею вызволять. Это что же такое делается? Орденоносец, такая доблестная женщина, коммунист, и вдруг в каталажке сидит. Да по какому праву? Да у кого язык только повернулся?

— Да пойми ты, — буквально через несколько минут говорил он почти то же самое майору, который занимался делом Пелагеи, — не могла она. Про ту муку, о которой идет речь, ведь как дело было! Она по собственной инициативе для колхоза ее купила на деньги, вырученные за продажу овощей — чтобы у деревенских хлеб из чего печь было. Да не могла она — еще раз тебе говорю. На днях снова приезжала в город с бабами: семь беспризорников с рынка взяли, и тринадцать человек из детдома. Ну как ты себе это мыслишь, товарищ Мостовой? Для деревни муку покупает, ребят собирает, в семьи отдает, документы детишкам выправляет, на ферме трудится, хотя одноногая, ты же сам видел. И вдруг такое! Воровство!

Секретарь яростно раздавил окурок в пепельнице, крепко выругался и тут же прикурил новую папиросу.

Майор был растерян, его весьма удивили такие факты из жизни подозреваемой Хворостенковой. Да у него и свои сомнения давно зародились, а точнее тогда, когда он впервые увидел Пелагею. Прямая, взгляд открытый, глаза ясные, орден на груди, ноги нет, всю войну прошла.

— Да и домой она не одна с войны вернулась, а девчушку-сироту привела. Так и в тот день Егорку на базаре подобрали, накормили и в деревню с собой забрали, — продолжал говорить Заварзин. — Ну не могла она! Никак! Да кто тебе такую чушь-то про нее наговорил? Ведь чую, что человек ненадежный. Может, недруги какие? Контра недобитая? А? Можно им верить разве?

Майор махнул рукой:

— Да какое там! Тебе чего, тридцать седьмой, что ли? Какая контра? Не болтай, Виктор. А ну давай деревенских по одному заводи. Сейчас дознаюсь.

Первым зашел дед Тимоха, он нервно мял свой картуз в руках.

— Ну что, дед, скажешь? Много овощей тогда продали? — задал вопросы Мостовой.

— Так, енто, полныя телега была! А то как жа! Урожай-то в ентом годе — слава Богу.

Дед хотел перекреститься, но вовремя одумался, хотя уже занес руку для крестного знамения.

— Денег сколько выручили? — продолжал свой хитрый допрос опытный майор.

— Так ня знаю я, ня считал. Мое ж дело, оно такое, маленькое. Вона, на облучке сидеть, да на Ладушку мою покрикивать. Наташка тама усем заправляла. У ей надо спросить. Она точно кажеть тебе! Усе до копейки… отчитается. Наташка у нас, знашь…

— Куда после рынка поехали? — перебил словоохотливого деда майор, не желая слушать про Наталью.

— У магазин.

— Что там покупали?

— Так муку.

— Сколько муки купили?

— Три мешка!

— Как так? — майор от неожиданности даже подскочил.

— Да так, — пожал дед Тимоха плечами. — А чавой ты енто так удивляшься?

— Так вроде пять мешков было?

— Какой тама? Ты чавой? Кто тебе казал? На три Наташка еля наскоблила, а на четвертый Пелагея дала денег.

— Уверен? — не скрывая волнения, спросил Мостовой.

— Да хочь у каво спроси! — пожал плечами дед. — Он у колидоре Наташка с Ермохой дожидаютси. У их и спрошай. А ишшо продавшица, и у ей можешь узнать.

— Дежурный! — заорал майор. В кабинет тут же заскочил испуганный паренек.

— А ну быстро в такой-то магазин, и продавщицу доставь.

— Есть! — крикнул парень.

…Почти те же самые вопросы майор задал и парню, и Наталье. И оба они заявили, что вырученных денег хватило лишь на три мешка, на четвертый Пелагея дала своих денег.

— Дажа ня так немного было, — игриво поглядывая на майора, сообщила красивая Наталья.

— А как? — с придыханием спросил майор, ожидая новых фактов.

— Таки и на третий мешок дажа чуток ня хватало. Пелагея полезла у карман и кажеть продавщице: а ну глянь, хватаеть здесь. А продавщица ей, а то как жа, тута у тебе ишшо на один цельный мешок и ишшо на килограмм пять-шесть лишку.

— Ну дела! — схватился майор за голову. — То есть четвертый мешок ее личный был.

Наталья пожала плечами:

— Ну выходит, што так! А вот и я вопрос имею, товарищ командир.

— Слушаю вас, — машинально ответил Мостовой.

— Вы женатай? Али как? — поведя изогнутой черной бровью, спросила баба.

— Дежурный! — крикнул майор. — Проводи! И давай следующего.

Ермолай почти слово в слово подтвердил то, что сообщили Наталья и дед Тимоха, добавив лично от себя:

— А на оставшиеся деньги она конфет ребятне купила и пряников. Егорка тада казал, што конфеты года три ня ел, а про пряники и вообше ня помнить. Уплетали они их, а я и сам ба ня отказалси, — расцвел улыбкой юнец.

— Заводи продавщицу, деда и Наталью, — крикнул майор.

В кабинет вошла дородная баба, с нее в три ручья лил пот, она отдувалась и вытирала лицо огромным цветастым платком, который, видимо, сняла с головы.

— Имя, фамилия, отчество! — строго спросил Мостовой.

— Феофанова Любовь Никитична, — поклонилась баба.

— Знаешь ты этих людей? — майор указал на деревенских.

— Знать не знаю, но видала, муку они у меня давеча покупали. Только с ими еще баба была, вот ее я хорошо помню. Без ноги она, с орденом…

— Сколько мешков муки они купили?

— Четыре!

— Точно помнишь?

— На три мешка вот эта дала деньги, да не хватало тама, тогда та, что без ноги, вытащила свои из кармана. Так там много было. Они еще один мешок взяли.

— И все?

— Нет! Безногая еще конфет и пряников купила.

— Свободны! — гаркнул лейтенант.

…Через пару часов из ворот вышла Пелагея, у нее был уставший вид, но, увидев своих, а в особенности Петра, она тепло улыбнулась.

Учитель подошел к ней, постоял, пристально глядя ей в глаза несколько секунд, а потом крепко обнял и прошептал:

— Палаша, как же я испугался, что не увижу тебя больше.

— И я! — еле слышно проговорила Пелагея.

— Люблю я тебя, Пелагея!

— Переезжай сегодня, — позвала женщина, и сердце ее гулко забилось, потому что губы обжег горячий и страстный поцелуй.

…В деревню въезжали поздним вечером, но почти все деревенские высыпали на улицу. Все здоровались с Пелагеей, многие называли ее по отчеству, мужики снимали картузы и кланялись.

Валя с Настей выбежали навстречу. Девочка легко запрыгнула на телегу и крепко обняла Пелагею, заплакала и сквозь слезы прошептала:

— Ты обещала меня не бросать, слово коммуниста давала.

Пелагея поцеловала Настеньку и ответила:

— Так я и не бросила.

— Я так за тебя боялась… мама.

Слезы градом покатились из глаз Пелагеи.

— Я и сама очень испугалась, доченька, что больше никогда не увижу тебя.

…Через пару часов Пелагея, чистая, в белой рубахе, сидела за столом и с удовольствием ела щи.

— Семеновна солонинки дала вчерась, грит, свари девчонке. А у нас вона какая радость, и не чаяли, — Валя не могла наглядеться на свою любимую Палашеньку.

Петр сидел тут же и тоже с удовольствием уплетал знатные щи.

Часть 19

Поев, Пелагея несмело начала разговор:

— Валюша, а ты не будешь против, если…

Тут вдруг учитель поднялся, знаком попросил Пелагею не продолжать. Сам, мол, скажу.

Она тут же замолкла.

— Валентина Степановна! — откашлявшись, начал он. Было видно, что учитель сильно волнуется.

— Обращаюсь к вам как к матери Пелагеи.

Валя сидела ни жива ни мертва.

— Чавой-то? — еле вымолвила она и перекрестилась. — Чавой случилоси ишшо?

— Прошу у вас руки Пелагеи Прохоровны! Очень! Не откажите.

Учитель волновался, внутри у него все замерло, сердце колотилось где-то в горле.

— Ой, — расцвела в улыбке женщина, — радость-то какая! Петя! Согласная я! Бяри у жены Палашеньку. Хорошая она у мене шибко. Ня забижай токма.

Настенька напряженно следила за развитием ситуации. Пелагея, заметив ее волнение, поманила Девочка подошла и взглянула на Пелагею глазами, полными ужаса, женщина посадила ее на колени, крепко обняла и поцеловала, прошептав прежде на ухо:

— Слово коммуниста. Помнишь?

Настенька кивнула и обняла Пелагею.

Тем временем Петр Иваныч продолжал:

— Привести молодую жену мне некуда, а потому, если вы не против, перееду я к вам… уже сегодня.

Валя вскочила, ринулась к цветастой занавеске, откинула ее и зачастила радостно:

— Тута будятя жить, за занавеской, хорошо ишть вама будеть. Светло тута, окошко имеетси, а мы с Настенькой туточки. А пока тепло, так и на дворе можате, от тама, — Валя махнула рукой, — у дальнем углу сада кровать стоить. Помнишь, Палаша?

Пелагея кивнула и улыбнулась.

— И полог я сохранила. Чичас быстренько я яво прилажу, у сундуке ляжить, — продолжала тараторить Валя.

Все счастливо рассмеялись.

— Ня доставала… я яво… ой давно как! Целую жисть назад.

Валентина достала из сундука полог, вытряхнули его в саду и все вместе отправились прилаживать к кровати.

Пелагея любовалась Петром: работа спорилась в его руках, он быстро справился и указал на кровать, шутливо поклонившись:

— Опочивальня готова, прошу.

Валя загляделась на Петра и улетела далеко-далеко, в свою молодость.

…С Иваном они жили двор во двор, были почти ровесниками, и никогда она не смотрела на него, как на будущего мужа. Но как-то, когда обоим было уже по шестнадцать лет, они вместе косили траву: Иван на своей делянке, а Валя с сестрами, отцом и братьями — на своей.

Валя косила не очень хорошо, а потому отстала от своих, Иван по какой-то причине тоже не поспевал за отцом и братом, и потому они оказались рядом. Иван искоса поглядывал на соседскую Вальку и думал: «Как жа выросла-то! Я и ня заметимши! Ладныя какая, справныя девка!»

Валя заметила, что Ваня смотрит на нее не так как обычно.

— Чавой ты? — спросила она у него, нахмурив брови. — Чавой уставилси, ирод?

— Нячавой! — ответил Иван и рассмеялся.

— Вот и ня гляди! — твердо попросила Валя.

— Хочу глядеть! — с вызовом сказал Ванька.

Валя не нашлась что ответить, а взмахнула косой и погрозила парню, потом как-то неловко опустила ее к земле и зацепила ногу: косили босиком. Увидев брызнувшую алую кровь на зеленую траву, девушка вскрикнула и упала в обморок.

Когда очнулась, то увидела склоненное над собой абсолютно белое лицо Вани.

— Валькя, ты чавой это? — чуть не плакал парень. — Валькя, открой глазья-то, открой!

Он побрызгал ее водой, немного приподнял и дал напиться.

— Испужалси я, — зачастил Иван. — Упала ты замертво!

С тех пор молодые люди не расставались, и после покоса Ваня попросил отца посватать Валентину.

Первая близость у Вали произошла вот под таким же пологом. Ваня жарко целовал свою любимую и шептал ей ласковые слова:

— Лябедушка моя, голубушка! Как упала ты тада на поле-то, так сразу я и понямши, што ты моя!

…Валя вздрогнула и заторопила Настеньку:

— Ну усе, айда, айда! Пущай ложатси! А мы с тобою у хате будем щас чай пить, а потома спать лягем. Айда, айда!

Настенька нехотя пошла за Валентиной. Девочка чувствовала, что Петр Иваныч — очень хороший человек: добрый, умный, надежный. Она понимала, что Пелагее он нужен, но ей было очень беспокойно. Настенька ни с кем не хотела делить свою только что обретенную мать.

Девочка тяжело вздохнула и пошла за Валей.

— Настюша! — вдруг позвала ее Пелагея.

Девчушка с готовностью подалась к ней.

— Ничего не бойся, — прошептала Пелагея. — Мы с тобой вместе навсегда. Я никогда тебя не брошу. Веришь мне?

Настя кивнула.

Когда Пелагея и Петр остались одни, он помог ей присесть на кровать и сел рядом. Долго сидели молча. Сердца у обоих стучали в унисон, разогнавшись до неимоверного количества ударов.

— Палаша, давай ложиться! —предложил Петро. — Завтра дел много! Я хочу ребят всех проведать! Посмотреть, как устроились, и тебе на работу надо.

— Петь, вместе пойдем, мне интересно, кто где! — Пелагея помолчала немного и вдруг задала вопрос. — А ты меня правда любишь?

Петро обнял ее и прошептал:

— Люблю, Палаша! Вчера понял, что не представляю больше жизни без тебя. Испугался, что больше тебя никогда не увижу.

— А я не знаю, Петя, люблю ли я тебя!

— Ничего, ничего! — Петро погладил Пелагею по волосам и поцеловал.

— Спасибо тебе, Петя! Если бы не ты, сидеть бы мне в каталажке до сдоха.

— Нет, нет, что ты! Если бы не я, то все деревенские и сами бы додумались, что тебя выручать надо. Валя, например. Подняла бы всех. Нет, не говори так. Да и Заварзин тоже! Все время с нами был. Буквально перед твоим освобождением уехал: у него вроде бюро райкома сегодня. Или что-то там еще. Все молодцы: дед Тимоха, Наталья, Ермолай! Даже продавщицу допрашивали.

— Да ты что! — удивилась Пелагея. — Надо пойти завтра всем в пояс поклониться.

— Все тебя любят, Палаша. Хорошая ты баба!

Петро крепко обнял Пелагею и начал жарко целовать…

…Утром, еще до петухов, Пелагея осторожно встала, не желая будить Петра, но он все равно проснулся, тоже встал и крепко поцеловал ее.

— Мне на ферму, Петенька, а ты поспи еще.

— С тобой пойду, посмотрю, как там у вас дела. Мне интересно. Я же не деревенский, Палаша. Все в новинку мне.

— Обычно городские не очень интересуются хозяйством.

— А я интересуюсь. Тем более моя жена — доярка.

Пелагея, услышав «жена», зарделась, засмущалась и спросила:

— И в сельсовет пойдем, запишем брак?

— Конечно, обязательно! А как же!

Пелагея счастливо улыбнулась и прижалась к учителю.

— Если хочешь со мной, мне уже пора.

…На ферме бабы принялись шушукаться и шутить:

— А вы таперича к нам кажный день ходить будяте, Петр Иваныч? — спрашивала одна баба.

— А то как жа! — тут же отвечала ей другая. — А то вдруг кто увядет Палашку.

— Да не! Он жа за молочком пришел! Уважаете, Петр Иваныч, молочко с под коровки?

— А то как же! — невозмутимо отвечал Петр. — И Палашу буду стеречь и молока заодно выпью парного. Не откажете?

— Да мы жа… — начала было одна из шутниц, но Васильевна быстро их приструнила:

— А ну, чавой рты проветриваете? Делов нету, штоль?

Баб как ветром сдуло.

— А вы, Петро Иванович, ня обращайте внимания на их. Глупыя бабы.

— Совсем нет! — улыбнулся Петр. — Мне интересно с ними поговорить. Люблю пошутить.

— Ну ентого у нас хочь отбавляй. Звиняйте, мене работать нада. А вы осмотритеси.

…Спустя время Пелагея освободилась и вышла к Петру со словами:

— Петь, я хочу к отцу своему съездить. Хочешь со мной?

— Конечно! И Настеньку возьмем.

— Только непросто там все. По дороге расскажу. Надо деда Тимоху или Демьяна просить отвезти нас.

— Хорошо, понял! Сейчас, только у председателя отпрошу кого-нибудь из них и двинемся.

Часть 20

Дед Тимоха с удовольствием согласился отвезти Пелагею и Петра в Волошино.

— Петя, Настеньку не возьмем, не нужно это. Я по дороге расскажу тебе немного о себе, своей семье, об отце и о матери. Ты все поймешь.

— Хорошо, как скажешь, — учитель был слегка обескуражен, но спорить не стал. Зачем? Если бы Пелагея посчитала нужным, она взяла бы Настеньку с собой.

Дед Тимоха с шумом и грохотом подкатил к хате, Пелагея обратилась к нему:

— Дед, сойди с облучка.

— Чавой-то? — удивился дед.

— Сойди! — настаивала Пелагея.

Тимоха, кряхтя и тихонько матерясь, ступил на землю. Пелагея обняла его и зашептала на ухо:

— Дед, спасибо тебе! Вовек тебе благодарна.

— Ну будять! Казал так, как енто было. Чавой ты? Давай садисси, — и тихонько отстранился от Пелагеи, а Петру подмигнул и шутливо сказал, — вишь, вона твоя у любви мене признаетси. Люблю, грит, тебе, дед, ажно мОчи нет, как шибко! Усю ночь об тебе думаю.

Сказал и рассмеялся весело. Петр и Пелагея поддержали его смех.

Когда тронулись и отъехали на приличное расстояние, Пелагея обратилась к Петру:

— Дай свою папироску-то! Теперь ты мой муж, всегда рядом, могу курить твои! — улыбнулась она.

Петро с готовностью вытащил папиросы, не забыл предложить и деду Тимохе. Но тот лишь махнул рукой:

— Баловство усе енто. Чичас покуришь, привыкнешь, а иде потома брать? От! То-то и оно! — дед скорбно покачал головой. — У буржуев энтих усе есть, а нама гады фашистские ня дали жисть построить. Ничаво, ничаво! Усе у нас будеть. И цигарки хорошия, а ня ента вонишша!

Дед злобно посмотрел на свою цигарку.

Петр и Пелагея не удержались и рассмеялись, но Петр вдруг стал серьезным и сказал:

— Это ты, дед, прав! Все у нас будет, и очень скоро! Лучше нашего советского народа во всем мире не сыскать. Мы трудолюбивые и настойчивые.

Пелагея закурила и, сделав пару глубоких затяжек, начала свой рассказ:

— Родилась я, Петя, в большой семье кузнеца. Была я старшей. Есть у меня еще три сестры и три брата. Семеро нас было!

Пелагея замолчала, она жадно курила, почти не делая перерыва между затяжками. Петр не торопил ее.

— Мать умерла, рожая восьмого ребенка. Ходили слухи, что это была девочка. Отец отдал ее повитухе. Где она теперь, что с ней — я ничего не знаю. Жива ли? Да что там! Не знаю и про своих сестер и братьев. Андрей точно воевал, уверена в этом! Он был 1908 года рождения. Назар — десятого года. Думаю, тоже воевал. А вот Кирьяну в сорок первом всего семнадцать было. Может, тоже ушел на фронт попозже. А сестры… Дуня, скорее всего, так же как и я, на фронт ушла, она на год младше меня была. А вот Зинка и Сонька — вряд ли! Молодые совсем. Не было дружбы меж нами. Да и маленькие мы совсем были, когда мамы не стало. Мне десять лет было, а остальные мал мала меньше. Зинке чуть больше года было. Я ее нянчила, а Авдотья за Кирьяном смотрела. Сонька трехлетняя была, так веришь или нет, огород наравне с нами полола. Бывала скажу ей — Сонюшка, от тута усю травку повыдергай. Кивнет и все сделает.

Пелагея неожиданно заговорила по-деревенски, и Петр удивлено посмотрел на нее.

— Не удивляйся, Петя, я глаголила так же, как наши деревенские, но три месяца на курсах в городе и война свое дело сделали.

Отец после смерти матери сразу же привел бабу, скорее, девку. Молодая, красивая, но угрюмая, молчаливая: слова с нее было не вытянуть. Двигалась тихо как тень, глаза в пол, оттолкнула нас от себя в первые же дни. Вела себя так, будто нет нас, но работу в хате делала исправно. Да и мы хорошо помогали, с малышней она вообще не возилась, только мы с Дунькой. Да она и с нами не возилась, стряпала только. Стирали и убирали мы с Дуней. Зачерствела я тогда, Петя, мое сердце камнем стало. Отец день и ночь в кузне проводил, я его вообще не помню. Поверишь, Петя, пытаюсь создать его образ в голове, а ничего не получается. Мрак один. Я и мать не помню…совсем. Помню только ее сарафан красный да платок… и все… и запах. Пахло от нее чем-то…не знаю, Петя. Сладким, душистым, будто медом. Мамой пахло, Петенька! Мамочкой моей любимой. Никогда я больше такого запаха не чувствовала. Никогда!

Пелагея замолчала. Петро слышал, как она давила рыдания.

— Поплачь, Палаша, поплачь, родненькая моя!

Она покачала головой и лишь прижала ладони крепко к глазам.

— В общем, не стало у нас семьи, — заговорила снова, спустя время. — Каждый сам по себе в своем углу. Есть вместе садились, да только все молча. В доме жила тоска и безысходность. Аксинья с нами никогда не ела, и отца отдельно кормила. Ела ли сама — не знаю. Ела, конечно, иначе как? Детей она не родила. Были ли беременности — мне тоже неизвестно.

Петр слушал Пелагею и невольно вспоминал свое детство. У него было все по-другому. Он вырос в маленькой семье. Кроме него была лишь младшая сестра, о которой он после войны ничего не слышал. Отец безумно любил мать и их, детей. Дома всегда было очень шумно и весело. Отец был балагур, весельчак и шутник. Дома нередко собирались его друзья и засиживались за полночь, но спиртным при этом никогда не баловались, им и без того было хорошо. Отец играл на гармошке, а мать пела частушки.

Петя тяжело вздохнул. Отец погиб в первые дни войны, ушел добровольцем, хотя ему было уже пятьдесят четыре года. Мать умерла от какой-то непонятной болезни спустя полгода. Сестра ушла на фронт, окончив школу радисток. Где она, что с ней — Петр не имел представления.

— Замуж за Егора я вышла молоденькой девчушкой, — продолжала Пелагея. — Мне едва шестнадцать исполнилось. И вот Валечка стала мне настоящей матерью. Она немного растопила мое сердце, научив быть ласковой женой и доброй матерью.

Петр, желая немного разрядить обстановку, обнял Палашу и прошептал ей на ухо:

— Обязательно поблагодарю сегодня Степановну за нашу страстную ночь! Оказывается, в том есть и ее заслуга! Дурак твой Егор! Ох, дурак. Такую женщину упустил. Хотя нет! Молодец Егорка. А то бы не была ты моею.

Пелагея засмущалась и уткнулась в Петино плечо.

Потом закурила еще одну папиросу и продолжила:

— К отцу впервые после замужества я приехала с сыном, месяц ему исполнился. Несмотря ни на что, я очень скучала по родной деревне, по дому. Но он на нас даже внимания не обратил. Пустое место мы для него были. Потом как-то еще приезжала. Все одно.

Пелагея замолчала и посмотрела долгим взглядом вдаль.

— Зачем сейчас еду — не знаю. Тянет меня к нему, да и про братьев, сестер хочу узнать. А может, кого и увижу. Петь, ну а у тебя есть кто?

— Нет никого. И я один как перст. Думаю, что сестра жива. Скорее всего, ее война еще не закончена. Частенько радистки в разведшколе оказывались. Увижу ли я ее когда, нет ли?

— Чавой молодежь приуныли? — подал голос дед Тимоха. — Вам ли быть в печали? Эх, Пятро Иваныч, мене бы твои года! Я бы…ух!

— Дед Тимоха, ты и сейчас еще ух, — вытерев глаза рукавом, заметила Пелагея.

— Запевай, Палаша! Запевай, родимая!
Пелагея затянула красивым грудным голосом:
Спят курганы темные, солнцем опаленные,
И туманы белые ходят чередой.
Через рощи шумные и поля зеленые
Вышел в степь донецкую парень молодой.
Там, на шахте угольной, паренька приметили,
Руку дружбы подали, повели с собой,
Девушки пригожие тихой песней встретили,
И в забой направился парень молодой.
Девушки пригожие тихой песней встретили,
И в забой направился парень молодой.

Часть 21

В Волошино въехали ближе к вечеру. Пелагея вся напряглась, вытянулась в струнку и принялась пристально рассматривать дома и людей. Волошинские обращали внимание на приезжих. Кто-то даже здоровался, слегка поклонившись. Тимоха, Петр и Пелагея отвечали на приветствие.

— Давно я здесь не была, и не помню, когда последний раз, никого не узнаю, — промолвила Пелагея. — Дед, заверни направо, там наша хата.

Тимоха послушно свернул, прикрикнув на Ладушку, чуть проехали, Пелагея попросила:

— Стой. Здесь мой дом.

Дед скомандовал, и Ладушка покорно встала.

— Петя, поверишь, никого знакомых не увидела. Все какие-то чужие… не знаю никого… будто не моя деревня…— тоскливо проговорила Пелагея. — Мне Высокое — родное…

Мимо проходила миловидная старушка, она остановилась рядом с телегой, пристально посмотрела на гостей и прошамкала беззубым ртом:

— А вы к кому жа явилиси?

— А я Пелагея, Прохора-кузнеца дочка!

— Палашенька! — всплеснула бабка руками. — Да иде жа ноженька твоя? Миленькая ты моя!

Старушка подошла к Пелагее и обняла ее:

— А ты мене не признала?

Пелагея покачала головой.

— Так я Конюхова Варвара.

— Варя! — обомлела Пелагея и обняла старушку в ответ.

— Я, я это! А Прохор у кузне, и днюеть и ночуеть тама, у хату редко приходить. Тама усе у яво. Ехайте туды. Да токма, знашь, Палашенька! — Варвара тяжело вздохнула. — Был он ня от мира сего, а чичас так и вообше… ну ехай, ехай с Богом! Да токма ты мене и ня казала, ноженьку на фронте потеряла, штоль?

— Там, — кивнула Пелагея. — Где же еще.

— Дык живая, и ладно! Пришел бы мой Игнаша хочь без обеях ног и рук… так ня пришел. Одна я, Палаша, осталаси! Усе глазья выплакала. Усе мои погибля: и Игнаша, и Демьян, и Васенька.

— И Вася? — ахнула Пелагея. — Да как же это? Я хорошо помню, он лет на пять моего младше был! Виделись мы с тобой как-то в городе, ты с ним была. Помнишь?

Варвара кивнула:

— Как ня помнить! К партизанам убег в сорок втором. Они яво гнали от себе, а он нет, и усе! С вамя буду фрицев бить за батьку и за братавьев. Мене потома командир ихний рассказывал и орден Васенькин принес. Он, знашь, герой у мене. Поезда под откос пускал! Да так ладно у яво енто получалоси, — Варвара вдруг замолчала, схватила ртом воздух и почти шепотом, задыхаясь от слез, с трудом проговорила прерывисто:

— Повесили фрицы яво… попалси он, Палаша. Повесили. Мене за космы… проволокли… и на моих глазьях… повесили… саночка маво… нету никаво.

Пелагея вытерла глаза рукавом, обняла Варвару и спросила:

— А Федор? Ты про Федю ничего не сказала.

— Сама ничавой ня знай… жду кажный день, но писем два года ня было, а и похоронки ня было. Можат, живой? — бедная женщина с надеждой посмотрела на Пелагею и Петра. Он соскочил с телеги, обнял Варвару и проговорил:

— Живой, мать! Жди! Обязательно вернется! Вот посмотришь. Жди!

— Спасибо тебе, мил человек. Жду, жду! Все глазья проглядела ужо, — Варвара малость успокоилась и обратилась к Пелагее, — Палашка, мужик твой, штоль? Аль кто ента будять?

— Мой! — гордо сообщила Пелагея.

— А Егорка чавой?

Пелагея махнула рукой.

— Либошто погиб? — ахнула Варвара.

— Живой, да не мой! Варя, — желая перевести разговор на другую тему, обратилась Пелагея к Варваре, — а что про моих-то известно? Знаешь ты чего или нет? Братья? Сестры? Что с ними? Где они? Дом пустой, вижу. Никто с отцом не живет? Мрачно так на дворе, ничего не посажено.

— Ой, Палашенька, миленькая, плохо у вас! Андрей с Назаром местя ушли в один день, в один день и погибля: похоронки пришли на их. Кирьяна давно ня видать. Ушел в сорок первом у город, да так и сгинул. Можат, тожа на фронт сбежал, а можат, и живой иде-то слоняетси. А Дуняша у лесу сгинула. Ушла как-то у сорок третьем за ягодой, аль за грибами, и ня вернуласи. А Сонька с Зинкой живы. Да! Одна в Лосином живеть, да ня помню кто из их, а другая — в Заречном. Сюды не ходють. Давненько их ня видела. Дружат аль нет промеж собою — ня знай.

— Спасибо тебе, Варя! Тяжело… на то она и война! Вот так: никого нет у меня. Съезжу и до сестер, а сейчас попробую с отцом повидаться. Мне тебя сам Бог послал, а то чую, от отца ничего не узнала бы.

— Тебе спасибо! — Варя поклонилась Пелагее. — А то можат, зайдете? Дорога длинная. Ты также? В Высоком?

— Там!

— Батька твой ня приветить вас!

Так што, к мене ночевать идитя! До Высокого далеко вам будеть, ня успеетя севодни, хотя возница у вас хорошай, — Варвара подмигнула.

— Спасибо, Варвара. Придем к тебе, если что.

— Придете! — твердо пообещала Варвара. — А я вам чичас щей сварганю, сала малеха имеетси. Ну поехай, погляди на отца. А лучша дажа — издаля, штоба ня печалитьси.

Пелагея открыла было рот задать вопрос да раздумала: зачем спрашивать очевидные вещи? Она прекрасно помнила своего отца: его угрюмость, нелюдимость, молчаливость.

— Ладно, Варвара, жди нас, приедем к тебе! Переночуем. Насчет харчей не беспокойся, у нас рыба есть, пироги, яйца, картошка. Мы еще и тебя угостить можем!

— Благодарствую! — поклонилась женщина. — Но горяченькова с дороги-то надоть отведать. Мужакам особливо. Ну ехайте, ехайте.

Чуть не доезжая до кузницы, Пелагея попросила:

— Останови, дед! — а потом попросила Петра. — Подсоби.

Петр с готовностью соскочил с телеги и помог Палаше.

— Тут стойте! Сама пойду… на разведку.

Прохор сидел на грубо сколоченной скамейке и курил. Его косматые, давно не чесанные волосы были забраны под вязаный обод, рубаха была такая грязная, что непонятно, какого цвета, фартук местами порвался и болтался лохмотьями. Мужик смотрел вдаль ничего не выражающим взглядом. Пелагея остановилась у забора и посмотрела на отца. Она ожидала каких-то чувств внутри, но кроме того, что сердце сильно заколотилось, она ничего не почувствовала: ни любви, ни ненависти.

— Здравствуй, отец! — громко проговорила она, привлекая его внимание.

Прохор медленно повернулся в ее сторону.

— Ты кто жа такая будяшь? Дунька аль Палашка? Для Зинки и Соньки старовата, хотя чавой это я? Дунька вродя как сгинула давненько. Значат, Палашка. Чавой надоть тебе? Вспомнила батьку? Сколько лет ня была? Чичас чавой приперласи?

Прохор мрачно посмотрел на Пелагею, увидел культю.

— Чавой, воевала, штоль?

— Нет, санитаркой… — Пелагея стиснула зубы, чтобы не расплакаться. Она уже вовсю костерила себя на все лады.

«Зачем поехала? Чего ожидала? Что он вдруг кинется обниматься? Ах, доченька моя, Палашенька! Дура ты, Палашка, ох дура!»

— Мне ничего от тебя не нужно. Просто приехала повидать тебя…

— Повидала? — перебил Прохор. — Ступай с миром.

Мужик встал во весь свой огромный рост и зашел в кузницу.

Глотая горькие слезы, Пелагея поковыляла к телеге.

— Ну что там? — кинулся к ней Петр.

Ожидая ее, он выкурил несколько папирос, прикуривая одну от другой: сильно нервничал.

Пелагея была настолько опустошена, что даже не могла ответить на вопрос. Из нее будто в один миг улетучилась вся энергия. Чтобы не упасть, она еще крепче вцепилась в костыли, вдавила их в землю-матушку и прошептала:

— Ничего, прикури мне!

Петр отдал ей свою папиросу, Пелагея взяла трясущейся рукой, жадно затянулась и проговорила:

— Поехали к Варе.

Ехали молча. Петро и дед Тимоха беспокойно поглядывали на Пелагею, ничего не спрашивали.

Когда почти подъехали к дому, она вдруг нарушила тишину:

— А знаете, мужики, ведь Варечка всего на десять лет меня старше.

Мужики не удивились. Лихо тогда по земле ходило, уродуя облик людей, но украшая души, оставшихся в живых.

Часть 22

Дед Тимоха обернулся и спросил, хитро подмигнув:

— Палашка, а от ты как думаешь-то, мене сколько лет? Усе мене древним стариком щитают, а мене токма шестьдесят семь. От так. Молодой ишшо!

Пелагея улыбнулась и проговорила по-деревенски, приобняв деда:

— Ня старай ты, дед Тимоха! Канешна, молодой совсема ишшо! Орел, в обшем!

Все вместе дружно рассмеялись, тем самым разрядив немного тяжелую обстановку.

Петро и Тимофей понимали, что ничем хорошим встреча Пелагеи с отцом не закончилась.

— Не приветил он меня, выгнал! — почти спокойно сказала Пелагея.

Она понимала, что не имеет права скрывать правду от Тимохи и Петра: они приехали вместе с ней, и вроде как были причастны к ее судьбе. Женщина видела, что мужчины переживают за нее.

— Пошла, пошла, родимая! — в сердцах заорал дед на Ладушку, а потом разразился жестким матом в адрес кузнеца.

…Варвара встречала гостей во дворе:

— Жду вас, — она приветливо распахнула калитку. — Проходитя, гости дорогия! Щи наладила, скоро поспеют, а вы пока давайтя быстренька у баньку. Я севодни топила, ишшо не остыла.

Дед Тимоха крякнул от удовольствия:

— От енто ты молодца, баба! Уважила так уважила! Я ишть севодни намечал баньку топить, а тут Палашка с Петром Иванычем в Волошино удумали! Как отказать хорошим людям? Низя! Друзья они мои!

— От и хорошо, дед! У мене таперича помоисси. Хорошая банька моя, усе знають. Игнаша на славу выстроил яе! Ох и многия потома просиля яво!

— Енто хорошо! Да токма ня дед я, как и ты ня старуха! — подмигнул Тимоха.

Но Варвара лишь махнула рукой и тяжко вздохнула:

— Да чавой тама! Сама понимаю, што старуха косматая да беззубая! У зеркало гляжуси. Пошто мене причапуриватьси? Девкам мужаков нету, а ужо для мене… откудава.

— А мене девки, к примеру, на кой? — спросил Тимоха. — Мене баба справныя нужна, умелыя во всем: штоба настряпать могла, и у хате порядок держать. И со мною обходиться… штоба знашь… енто ты понимашь, ня старик, но и ня молодой я…

— А у тебе, чавой, бабы нету, штоль? — удивилась Варвара.

— Так помярла баба моя: как получили похоронку на сына, на сноху и на внука в един месяц, так и ня выдержало сердце-то у яе.

— Прости Господи, спаси и помилуй! — Варвара трижды размашисто перекрестилась.

Ее примеру последовал и Тимоха.

— Палаша, мужака твово ня знай, можат, партейный: ня крестится. А ты чавой жа? — спросила Варвара у Пелагеи.

— Так и я, Варенька, партийная. На фронте вступила, перед боем. Многие так делали.

— Ох ты жа! И наш Бориска с фронту пришел партейный. Помнишь яво, поди? Калмыков.

— Да ты что! Как не помнить! — обрадовалась Пелагея. — Он же все за нашей Дуней ухлестывал, да не позволил ему отец на ней жениться! Мол, какая-то уже была присмотрена для него. Ох и любовь у них была! Видно, потому и не вышла ни за кого Дуняша наша.

Пелагея вздохнула, вспомнив сестру.

— Так и он ня женилси, и до сих пор бобылем ходить. Девки и бабы вкруг няво круги мотають, а он — ничавой. Как узнал, што Дуняша у лесах сгинула, ой кручинился! — Варя скорбно покачала головой. — Пил как! Ой страшно! Ну идитя, чавой разговоры разговаривать. Вы первыя, штоль, Палаша? А мы пока с Тимофеем разговоры поговорим. Да, дед?

Варвара подмигнула Тимохе, а тот шутку поддержал:

— А чавой, старая, токма рот проветривать? Можат, чавой поинтересняя поделаем, пока оне у бане чавой поделають?

Пелагея смутилась, Петро улыбнулся и покачал головой.

Варвара же нисколько не засмущалась, открыто глянула на деда и спросила:

— Могешь ишшо, штоль?

— Ня знай, давно ня проверял. Ня на ком было.

Варвара так и покатилась со смеху, Петр и Пелагея тоже улыбнулись.

— Ну идитя, — отсмеявшись, снова стала отправлять их в баню Варя.

В бане, только раздевшись, Петр и Пелагея горячо обнялись. Он осторожно усадил ее на лавку и начал нежно целовать.

— Петенька, — смущено проговорила Пелагея, — грязная я. Давай помоемся, а потом уж миловаться будем.

— Ты чистая, Палашенька, кристально чистая, чище не бывает. Я тебя всякую любить буду.

…Потом в баню отправился дед Тимоха. Они долго препирались с Варварой, кто первее. Дед совсем обнаглел и буркнул:

— Ты жа хотела мой стручок на прочность испробовать, таки пойдем. От и оказия у тебе вышла. Щитай, повязло тебе.

— Ах ты старый пень, охальник! — закричала на него Варя, сделав вид, что рассердилась. Но было видно, что ей хочется пойти с Тимохой.

«Ужо и ня помню, када мене мужик любил! Ентот, можат, хочь пощупаеть!» — тоскливо думала Варвара.

Палаша, заметив, что Варвара игриво поглядывает на Тимоху, сказала тихонько:

— Иди, коль хочешь! Петя ничего плохого не подумает. Не стесняйся.

— Вот ишшо! — фыркнула Варвара. — Обойдетси.

Как меняется женщина, когда рядом с нею появляется мужчина! Особенно тот, который ей нравится. Она словно бы молодеет, хорошеет, кожа лица разглаживается, появляется румянец, глаза загораются ярким блеском.

Вот и Варвара шибко изменилась за эти несколько часов. Глянулся ей дед! Да что там говорить! И ему приглянулась Варвара. Полно в Высоком баб, и многие бы пришли к нему в хату женами. Но никого не хотел видеть рядом с собой Тимоха, а вот Варвару захотел.

Помывшись, дед решил покурить и позвал Пелагею, сначала обратившись к Петру:

— Не серчай, браток, мене с твоей надо побалякать тайно.

Петр кивнул с пониманием, а вот Палаша мало что понимала, но вышла с дедом.

— Палаша, глянется мне Варька-то. Хочу яе в Высокое забрать. Как ты думаешь? Пойдет к мене жаной-то?

— Не знаю, дед.

— Спроси ты у яе по-тихому.

— А сам чего же?

— Раз прошу тебе, значат, сам ня могу. Спросишь аль нет? Говори. А то Петра просить стану.

— Спрошу, спрошу, конечно, спрошу! — Палаша обняла Тимоху.

Варя богато накрыла стол: щи, сало, зеленый лук, овощи с огорода, соленые грибы. Да и гости не остались в долгу: выложили на стол свой харч. Варя махнула рукой и достала бутыль самогона.

— Айдате! — позвала она. — Примем чуток для сугреву!

— И часто ты так согреваиси? — шутливо спросил дед.

— Бывает… Как прищиметь тоска-то, хочь волком вой… приму и спать ложуси! Так хочь усну, а то жа ня сплю я почти што… с ентих пор.

— Я бы тебе быстро усыплял! — подмигнул дед, а сам подумал: «Кто бы мене усыпил!»

После смерти сына, невестки, внука и жены дед тоже перестал спать.

…После ужина, когда мужики, выпив, уже мирно посапывали или делали вид, что спят, Пелагея вытерла вымытую посуду и спросила:

— Пошла бы в Высокое к Тимофею? Хороший он дед.

Варя внимательно посмотрела на Палашу.

— Феденьку, сыночка, я жду. Низя мене уходить.

— Так ежели придет, сообщат тебе. Высокое же недалеко. Чай не в Москву уедешь. Прибежишь.

Варя присела и задумчиво посмотрела на спящего Тимоху.

— Хороший дед, глянулся мене. Пошла бы.

— Так и собирайся. Поедем завтра.

Варя всплеснула руками:

— Да как жа енто? Так сразу?

— А чего тянуть? — пожала плечами Пелагея. — Фриц и так у нас четыре года жизни отнял почем зря! Некогда сопли разводить. Зовет он тебя. Соглашайся, коли глянется.

— Пущай сам скажеть завтре.

— Хорошо, Варенька, я скажу ему, чтобы сам тебя позвал.

Часть 23

Когда в хате было чисто убрано после ужина, Палаша вышла во двор покурить. Кутаясь в ветхую шаленку, с ней вышла и Варя.

— Ну как ты до отца-то сходила?

Палаша пожала плечом:

— Никак. Выгнал он меня. Обиженный он какой-то… на что? За что?

Варя кивнула:

— Знамо дело. Палашенька, ты не серчай на яво. Твой отец совсема больной родилси. Думали, помреть. Повитуха так и казала: ня жилец, прости Господи. Перекрестилась и ушла, даже подношение не взяла. Плохой знак. Повитуха ня бяреть, када знаеть, что умреть малец. Ох и хорошая повитуха была. Да ты яе помнишь! Тетка Груня, так она ишшо и таперича живая.

— Да ты что? — поразилась Пелагея.

— Да! Токма ужо ноги совсема ня ходють. Так от слухай дальша. Дохтуров ня было тада, да их и чичас нет. Первенцем был твой батька у Палаши, матери яво, значат. Тебе-то в честь яе он назвал.

Пелагея вздрогнула и поежилась, будто от холода.

— Змерзла? — спросила Варя и накинула половину своей шаленки на нее. Палаша тепло улыбнулась и прижалась к Варе.

— Ох и много Палашка с им горя хлебнула! — продолжила Варвара. — Сколько по бабкам-шептуньям ходила, в разные деревни ездила. Кто чавой скажеть про какую-нибудь знахарку, Палашка туда лятить ужо завтре, а то и севодни. Пылинки сдувала с Прошки, никаво ня сродила больша. Да и ня от ково было.

— Как так? — не поняла Пелагея. — А муж?

Варвара махнула рукой:

— Так муж яе, твой дед Колька, бросил с робятенком больным сразу жа! Ушел совсема из деревни-то. А бабка твоя усе с Прохором-то и маяласи одна. Някто ей ня помогал. От так. Он вредным вырос. Ой какой капризный был! Никаво ня любил, токма мамку. Ужо с яе он пылинки сдувал, када заболемши она. Усе для яе делал. Деревенские-то бабы шибко завидовали такому сыну! Да померла усе равно, Прошке токма лет семнадцать было. Красивый, ничаво ня кажу. Ужо здоровый тада, выходила яво мамка! Один остался как перст. Кузнец наш местный пожалел и взял у подмастерья. Выучил и дочь свою отдал яму, Прасковью, стало быть, мамку твою, у жены. Поговаривають, што прежний наш кузнец поколачивал дажа Прошку! Чуть чавой ня так, и получал Прохор тумаков. А родители твои — шибко любили друг дружку оне. От так, Палашенька. Ня серчай на батьку. Шибко сбаловала яво Пелагея. Ой шибко! А потома и Прасковьюшка померла, да и Аксинья. Страшно яму усю жисть. Боится он любить-то. Понимашь ли ты?

— Спасибо тебе, Варенька, я не знала этого. Теперь, конечно, многое становится понятным. И злость его такая на весь белый свет, и отстраненность от людей. Но жили мы неплохо: грех жаловаться, все для нас делал, голодные и раздетые не ходили.

Пелагея замолчала. Варвара тоже не нарушала тишину, понимая, что ей нужно подумать над тем, что она только что услышала.

Пелагея закурила, но, затянувшись один раз, так больше и не прикоснулась к папиросе, она прогорела в ее руке.

— Давай укладываться, Варя, завтра рано вставать. А ты подумай над предложением деда.

Варвара фыркнула:

— Так он мене ишшо ничавой и ня предлагал.

— Предложит! — твердо сказала Пелагея.

…Рано утром все еще спали, а она, зябко ежась от утренней прохлады, самая первая вышла во двор и обомлела. На лавке рядом с хатой сидел Прохор и курил. Увидев дочку, он коротко бросил:

— Присядь-ка, Палашка!

Пелагея послушно села на почтительное расстояние. Сердце женщины колотилось как сумасшедшее. Зачем пришел, что сейчас скажет, чего от него ждать?

— Ты ня серчай на мене и ня езди больша к мене. Ня к чему ento, токма время зря тратить да душу мотать себе и мене. Как сдохну — приедь, схорони по-человечески.

— Бать… — начала было Палаша.

Но кузнец поднялся и еще раз повторил:

— Ня к к чему ento, казал. Някто мене ня нужон! И я никому. Умирають усе вкруг мене. Устал я от ентого.

Встал и пошел — огромный мужик! Гора! А Пелагея явно увидела маленького, беспомощного, слабого мальчишку, который с самого раннего детства знал, что такое боль, и за которым смерть всю жизнь ходила по пятам. Вырос он ростом, а душою так и остался ребятенком.

Палаша мелко перекрестила удаляющегося отца и прошептала:

— Храни тебя Господи!

Женщина прислонилась к гладким бревнам и прикрыла глаза.

Память услужливо преподнесла картинки из детства.

Вот она упала и разбила голову, отец схватил ее на руки и в считанные минуты оказался у повитухи. Прасковья, еле дыша, забежала следом.

Пелагея вспомнила глаза отца: как он был испуган, и даже пригрозил зачем-то повитухе:

— Ежеля чавой случится с Палашкой, прибью.

А потом болела сильно. Отец в город возил к доктору. Пелагея вспомнила, как отец выбросил цигарку и кинулся к ним: ну, чавой с ей?

Мало что было вспомнить. Но было же!

Варвара уже поднялась и вышла на двор.

— Отец приходил, — промолвила Пелагея.

Варя всплеснула руками:

— Да ты што? И чавой? Ну ня томи жа…

— Да ничавой! — досадно ответила Пелагея. — Но ты знаешь, а меня будто отпустило. Твой рассказ… его приход. Не серчай, говорит. Одно слово, а у меня в душе будто что-то лопнуло, и дышать легче стало. Улетело словно что-то, покинуло меня. Отец он мне, а родителей не выбирают. Попросил больше не ездить. Не буду. А Зинку с Сонькой найду все же. Чуть попозже! Сейчас в деревне дел очень много. Вот и с Калмыковым повидаться надо. Коммунист он, говоришь?

Варвара кивнула.

— Надо его к работе партийной привлекать, и ячейку тут у вас создавать. Один он, не дело это. Так что хочет мой батька аль нет, а придется мне к вам еще приехать. А может, Петя приедет. Да, наверное, так будет лучше.

В этот момент Петро вышел из хаты:

— Чуть свет, а бабы разговоры разговаривают, — тепло улыбнулся он и обнял Пелагею. — Да еще и обо мне. Лестно мне, голубушка моя.

— О тебе! — подтвердила Варя. — А как жеть! Люблит она тебе, от и не слазишь с языка-то.

— Ладно, бабы! Хорош шутками отбрехиваться. Палаша, слышал я про Калмыкова, схожу до него сейчас.

— Вот и ладно, Петя! — обрадовалась Пелагея.

Тут и дед на шум из хаты вышел.

— Ну чавой вам нейметси? Ужо с утра рот проветриваете, шибко соскучились за ночь, штоль?

— Дед, — оживилась Палаша, увидев Тимоху, — вот при всех говорю. Нечего ходить вокруг да около. Согласная Варвара. Только сам скажи.

Дед растерялся, чего-то пробурчал под нос, скорее всего, обругал Пелагею по-доброму за такую прямоту.

Варя не засмущалась, а наоборот подбоченилась и выпалила:

— Ну чавой, дед? Осмелиси, аль нет?

— Ну чавой, чавой? От напали, бабы!

— Дед! — строго прикрикнула Пелагея.

Петр с улыбкой наблюдал за происходящим и вдруг сказал:

— Вот люблю я вас! Ох как люблю! И утро это люблю! И Родину нашу, и народ наш! Как мне любо все! Хорошо! Хорошо же! Мир! Добро! Любовь! Дед! — посмотрел на Тимоху. — Не тушуйся. Давай. Ну чего ты?

— Усе ужо усё знають, а дед кажи! Ох ты, Варька, и зараза! Но мене завсегда такия по душе быля. При усех спрошаю — поедешь, Варвара, со мной, до мене?

— Поеду, дед, но не севодни! Ты за мной приедь завтре хочь. Делов по шею. Сам знашь, с хозяйством управитьси, да на Нюрку усе оставить.

— Отвязу их, — дед кивнул на Пелагею и Петра, — и сразу до тебе снова. Усе подсоблю, однако.

Часть 24

Петр Иваныч сходил к Калмыкову Борису перед отъездом. Тот очень обрадовался, услышав, что в соседнем Высоком есть партийная ячейка.

Когда учитель вернулся, то сказал всем:

— Отличный мужик, настоящий коммунист! Пока своей деревенской нет, будет в нашей ячейке! Я пригласил его на бюро в четверг, наказал иметь с собой минимум пять кандидатур деревенских для вступления в партию. Нужны, нужны нам хорошие толковые люди — строители коммунизма.

— А чавой тут думать-то? Алешку надо принимать у партию, хорошай мужик, помнишь яво, Палаша?

Пелагея улыбнулась: как не помнить. Такой был активный, веселый, шутник.

— Помню, Варечка. Отличный парень.

— А чичас мужик ишшо лучша стал. Всем подсобить и совет подасть. Да он жа председателем у нас чичас. Ково — как ня яво? А потома — Тюлениха.

Пелагея снова согласно кивнула: помню, мол, и ее.

— Как она сено-то спасала, помнишь? Лет за пять до войны. Усем похряну, а Улька Тюленева всех за волосья из хат повытаскивала! А было-то ей сколько? Шешнадцать, ня больша, — сама себе ответила Варвара.

— Варя, да тебя саму надо в партию! Будешь кадры нам подбирать, — улыбнулся Петро.

— А чавой? И пойду! А то как жа! Я вам партею враз соберу.

— И мене тада запиши! — оживился дед. — Одну яе никуды ня пущу.

Петр рассмеялся:

— Чтобы быть возницей и возить жену по деревням искать кадры, не обязательно в партию вступать. В партию идут по моральным соображениям.

— И у мене моральныя. А то ишшо какия жа? Ня материальная жа! Зарплатов вы, чай поди, ня выдаетя!

— Нет, дед, не выдаем! У нас другие цели!

— Ну и я об ентом. Моральный я! От так! Или с Варькой местя, иля никак.

— От раскомандовалси, — с любовью глядя на деда, проговорила Варя. — Тимоша, ежеля вчерась я сумневалась, то чичас нет. Поеду с тобой у Высокое. Мене такие мужчины, как ты, нравятси! Давно соскучиласи по командам-то!

— А то как жа! Куды ты денесси, а Тимошей мене даже Дуся не кликала.

— Обиделси? — забеспокоилась Варя.

— Нет, понравилоси. Кликай Тимошей. Ну давай прощевай, до завтрева. Ехать нам надо. Сбирайся, Варька, шибче, прям чичас ужо начинай. А мы поехаля, значат. Но, косматая! — заорал дед, и все вздрогнули от неожиданности. — А ну пошла, родимая! Ладушка моя любезныя!

Лошадь неспешно двинулась в путь.

…В Высокое въехали ближе к вечеру, Валя и Настенька выбежали к ним навстречу.

— Ужо усе глазья проглядели с Настюшкой, ничавой делать ня можам! Чавой так долго? — Валя обняла Пелагею.

Настенька кинулась к ней:

— Мамочка, я так соскучилась по тебе. Мы с бабой Валей тесто поставили, и уже пироги с рыбой пекли, а вас все нет и нет. Почему так долго?

Пелагея крепко обняла и поцеловала девочку:

— Настюша, так получилось. А откуда же рыба у вас? На рыбалку ходили? — хитро подмигнула Пелагея.

Настя покраснела, а Валентина выдала:

— Жанихи притащили! Мальчишек-то вы полну деревню навезли. От оне усем гуртом да с нашими… — Валя замолчала, что-то сообразила и проговорила, — усе наши таперича! В обшем, наши робята ходили на речку, рыбалили. Лешша наловили видимо-нявидимо. И кажный робятенок почтишта к нашей Наське приходить, хвастаеть и угощаеть. От так, Палашенька, жанихов будям мятлою мясти. Наська наша какая справныя девка.

Валя призадумалась и добавила:

— А и хорошо, милая ты моя унученька! Лишь ба снова войны ня было, этой проклятушей, штоба робят ентих ня побило, штоба хватало вам, усем девкам, жанихов, штоба дитев рожать от ково было. А не как нынешним девкам-то. Вон бродють по древне-то, — вздохнула Валя тяжело. — Ой, да чавой ento я! Айдате. Вы жа голодныя! Идем, Тимоха, и ты!

— Ня откажуси! — огладив бороду, промолвил дед.

— Ну раз ходили рыбу ловить, значит, все у ребят хорошо! Жизнь пошла своим чередом! — радостно проговорил Петр Иваныч.

— Ладно, ладно усе у всех! Робяты усе одеты и накормлены! Дружныя, ня ругаютси! Да и на огородах, мотрю, помогали! — подтвердила Валя. — Наталья позаботилась об ентом, усех распределила. Да токма ишшо робят нама надо у деревню. Мало вы привязли. Дуся, Груня и Агриппина без робят осталиси.

— Да как жа? — переспросил дед. — Агриппина? Без робят? Ты чавой ento? А Генка с Сашкой куды у яе делиси?

— Ну ты, дед, казал! Робяты! Ento ужо мужаки. Осенью в ремесленное уедуть. Вот Петро Иваныч наш и повезеть. Он и обешалси усем бабам, у каво пацанам тринадцать годов стукнуло — у ремеслянное.

Пелагея вопросительно посмотрела на Петю. Тот кивнул:

— Так и есть. Деревне квалифицированные рабочие нужны. Я прошелся по дворам: семь человек набирается. Повезу в конце августа.

— Петя, какой же ты молодец!

— восхитилась Пелагея. — Только надо бы и девочек куда-то пристроить. Что же они у нас все только доярки да телятницы? В деревне свои ясли бы не помешали, а значит, воспитательница нужна.

— Ня велика работа. Ento и я смогу, — рассмеялась Валя. — Робятенков нянчить усе могуть.

— Не скажи! — покачала головой Пелагея. — Детей развивать надо, учить сызмальства. Ты разве сможешь?

— Так я чавой? Я ничавой! Я настряпать могу, и задницу помыть, коль обделаитси…

Все засмеялись, Валя засмущалась и махнула рукой:

— Исть, исть идемтя. Палаша, иди с Петей к умывальнику. Потома дед… Настюшка, давай на стол собирать!

Через час все дружно сидели за столом и уплетали вкусные Валины пироги.

— Ох, Валентина! Вскорости конкурентка у тебе появится по стряпне! — не выдержал дед и решил поделиться с Валей, своей давней подругой, новостью.

— Кто жа ento? Ужо ня ты ли? — усмехнулась Валя.

— Ня угадала. Завтре снова поеду у Волошино, и ня один явлюси! От так. А с конкуренткой твоею по стряпне!

— Слово-то какое выискал! Конкурентка! Ento кому жа так связло, и нашего Тимоху охомутали? Справныя баба хоть?

— Варя Конюхова, — встряла Пелагея. — Из моей деревни. Хорошая женщина! Хвастается он тебе.

— Ох, дед! Ох, Тимоха! Радая я за тебе! Молодец, дед! — похвалила Валя. — Одному-то у наше время мужаку несподручно. Баб сколько одиноких! Чавой сидеть-то? Знай — выбирай себе!

Валя скорбно покачала головой и задумчиво посмотрела вдаль. Потом словно стряхнула оцепенение и захлопотала:

— Айдатя, давайтя, а то я трындычиха…

— Ишть рот проветривать любительница ты! — не преминул заметить дед.

…После того, как все наелись пирогов с рыбой и не забыли помянуть добрым словом пацанят, Тимоха встал и проговорил:

— Прямо чичас поеду за Варей, не утерплю до утра.

— Ты чавой, старый? Совсема сдурел? Иди поспи, а с пятухами тронесси, — забеспокоилась Валя.

— Ня малэсенький, чичас поеду.

Валя заволновалась еще сильнее:

— Палаша, Петя, ну чавой вы? Совсема сдурел дед! Ну куды жа он ночью-та?

— Дед, ну ты действительно! Ну зачем?

— Тады пошли покурим! — чуть успокоился Тимоха.

На улице он прикурил цигарку и промолвил:

— От ня понимаете вы мене! А я вчерась будта крылья опять получил! Лятать мене охота! Давно ентого ня испытывал! Побыстрее хочу голубушку мою, Вареньку, привязти. Как ба ня передумала.

— Дед, она то же самое, что и ты, чувствует сейчас. Не бойся, не передумает! — успокоила Тимоху Пелагея.

— Божиси!

— Божиться не могу, а вот слово коммуниста тебе даю. Устроит?

— Пойдеть! — кивнул дед и пообещал, что до четырех утра не тронется с места.

Часть 25

Так и стали жить! Дед Тимоха привез Варвару Конюхову в деревню на следующий же день, и она сразу свела дружбу с Валентиной и с Васильевной, а потом и с другими бабами. Приняли ее в деревне хорошо. Она пошла работать на ферму. С дедом у них было полное взаимопонимание: никогда из их хаты или со двора не слышались даже окрики. Она называла его не иначе как Тимоша, а он ее — Варюша.

Шутки шутками, а партийная ячейка стала быстро расти. Первым в партию приняли Егора Хворостенкова, а за ним Алексея Вишнякова из Волошино, которого так рьяно рекомендовала Варвара, а потом и Ульяна Тюленева стала коммунистом.

Варвара, присмотревшись к высокинским, грамотно подобрала еще пару человек для вступления в партию. Вот такие неожиданные способности открылись у деревенской бабы!

Ребята прижились, и через месяц уже никто и не помнил, что когда-то они не были деревенскими, и лишь городской говор отличал их от высокинских пацанов.

В город за ребятишками ездили еще не один раз: детдом в результате опустел. Такой хороший опыт переняли и в других деревнях. Вскоре в окрестностях совсем не осталось беспризорников и сирот.

Петр и Пелагея жили душа в душу. Настенька стала называть Петра дядей Петей.

— Папой не смогу, пусть он не обижается! — как-то тихонько на ушко сказала она Пелагее. — Может… когда-нибудь…

Та погладила девчушку по белой головушке и промолвила:

— Ничего, Настенька, ничего. Все у нас будет хорошо.

— А может, вы еще и своего сродите, — промолвила девочка и быстро добавила:— Так бабушка говорит и крестится. Пелагея лишь улыбнулась, а мысленно проговорила: «Хоть бы так и было!»

Вся деревенская ребятня почти целыми днями толклась во дворе у Вали. Петр Иваныч занимался с ними: читал книгу ребятам, а те, забыв дышать, внимательно слушали про замечательного мальчика Тимура и его команду.

Когда книга была прочитана, то самый старший из ребят нарушил тишину:

— Петр Иванович, а давайте тоже создадим в деревне команду. Может, не совсем такую как в книге, и все про нас будут знать, в тайне не удастся сохранить, но помогать станем так же! Ведь у нас много старушек одиноких.

Ребята одобрительно загалдели, со всех сторон посыпались возгласы:

— Точно, давайте!

— Добрые дела нигде не помешают.

— Вот здорово!

— Я давеча видал, как бабка Аксинья на огороде карячиласи, чуть ня падала.

— А чавой ня помог? Аль токма чичас понял, што старухам чижало?

— Петр Иваныч, ну пожалуйста.

Учитель поднял правую руку, призывая ребятишек к тишине.

— Тихо! — громко сказал он. — Идея отличная, и мы обязательно воплотим ее в жизнь!

Петро ликовал, ведь он для того и выбрал именно эту книгу, хотя в его чемодане их было несколько: Агния Барто, Сергей Михалков, Валентин Катаев.

Но ему захотелось пробудить у ребят самосознание. Получилось! Петру хотелось скакать от счастья, но он вел себя спокойно.

— Молодцы! — еще раз похвалил учитель. — Горжусь вами. Мы обязательно обдумаем, как можно в деревне вести тимуровскую работу. Выберем командира и начнем.

В вашей заботе и помощи нуждаются многие. Молодые женщины взяли вас в свои дома, а старушки побоялись ответственности. Вот они-то и нуждаются в вас.

Ребята снова радостно загалдели.

— Бабка Голдаиха живеть одна на отшибе. Как ей одной-то?!

— А пусть Андрейка и будет командиром нашим.

— Да, правильно! Андрей годится в командиры.

— А давайте уже сегодня кому-то поможем.

Валя вышла на крыльцо и с удовольствием слушала, как ребята обсуждают новое для них занятие.

«Господи, — взмолилась она, — спаси и сохрани робят. Пусть будет мир всегда над их головушками!»

Женщина незаметно перекрестился ребят и крикнула:

— Давайтя с мене и начнитя. Яблоки идитя в сад собирайтя и ешьтя, голодныя, поди, усе ужо.

Ребята радостной гурьбой побежали в сад.

…Через неделю в деревне действовал тимуровский отряд.

Прознав об этом, более старшие ребята пришли к учителю.

— Пятро Иваныч, — начал Степан, — как жа енто? На войну нас не узяли: казали, малы ишшо. А чичас у тимуровский отряд ня берете: большия шибко.

Петро улыбнулся и похлопал по плечу Степана, потом поздоровался за руку со всеми ребятами, а девчонкам кивнул.

— Ждал вас, — промолвил он. — Это дело добровольное, партия никого не принуждает. Есть и для вас организация, как не быть. Товарищ Ленин обо всех позаботился. Называется Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи. Коротко ВЛКСМ. Смена наша! Если есть желание вести работу в деревне — будем только рады!

Ребята восхищенно посмотрели на учителя:

— Коммунистический, говорите?

— Так, енто, мы чавой, коммунистами будям?

— От так енто дело для нас!

— Да, ребята, вы наша смена! Комсомольцами таких называют. Нужно будет съездить в город, к товарищу Заварзину, с ним посоветоваться. Я собираюсь в конце августа, недолго осталось, поедете со мной?

— Канешна!

— Поедем, а то как жа! — послышалось со всех сторон.

— Подождитя! А чичас? Что нам чичас делать? — спросил Степан.

— А сейчас можете помогать тимуровцам! Работы всем хватит.

…Двадцать пятого августа, как и было обещано, Петр Иванович собрал всех ребят тринадцати-пятнадцати лет, а также тех, кто хотел быть в коммунистическом союзе молодежи, и отправился в город.

Там, первым делом, направились к Заварзину.

Секретарь райкома встретил Петра уже как родного, тепло обнялись.

— Здорово, Петро! Ну как вы там поживаете? Рассказывай. Давно не был ты у меня. Значит, работа спорится.

— У нас все путем, Виктор Петрович. Благодарю. Тимуровцы работают вовсю, все одинокие старушки присмотрены! Привез ребят в ремесленное. Но главное: у нас к вам просьба огромная! Молодые ребята и девчонки комсомольцами хотят быть! Как вы на это смотрите?

Секретарь восхищенно смотрел на Петра:

— И ты еще спрашиваешь? Вот это да! Ожидал я от тебя Петро, но чтобы такого! Молодец! Уверен, не без помощи Пелагеи.

— Не без нее, конечно. Да некогда ей совсем. Коровы телятся одна за другой, роды тяжелые. Палаша иной раз и ночевать домой не приходит.

— Значит, прибыль у вас! И тут вы молодцы. Одобряю. А ребят твоих примем в комсомол, а то как же! Я так понимаю, что ты их привез?

Петр Иваныч кивнул:

— Здесь они.

— Зови, поговорю с ними.

Через несколько минут деревенские ребята, сильно смущаясь, сидели в кабинете у Виктора Петровича.

Он познакомился с каждым, пожал руки и девушкам тоже, от чего те смутились еще сильнее.

— Ну что, ребята, я очень рад, что вы приняли такое важное решение в вашей жизни. Быть комсомольцами — очень ответственно. Петр Иванович подготовит вас теоретически. Подкует, так сказать. Я проверю ваши знания и приму в ряды комсомольцев.

Из кабинета ребята выходили вдохновленные и полные энтузиазма. Они шумно переговаривались между собой и обращались к Петру Ивановичу:

— А када мы заниматьси начнем?

— А иде будям сидеть?

— А давайтя к мене пойдем: у нас двор большой!

— Ты чавой, Семен? На земле, штоль, сидеть будям?

— А ниде нету столько местов-то!

— Ребята! — привлек к себе внимание учитель. — Все продумаем: и где сидеть, и на чем сидеть. Главное — это ваше желание, а остальное все образуется.

Сразу же после райкома поехали в ремесленное, там довольно-таки быстро оформили ребят на учебу.

Петро уже выходил из училища, как вдруг его окликнули:

— Петя?

Часть 26

Услышав родной до боли голос, Петр остановился как вкопанный, не в силах развернуться.

— Петя? Это ты?

Сомнений быть не могло, Петр Иванович повернулся: чуть поодаль стояла она — его любовь, его боль и тоска. Его Вера!

Он кинулся к ней, они жарко обнялись и простояли так целую вечность. В голове Петра с неимоверной скоростью неслись мысли и воспоминания: вот он впервые увидел Веру! Она, тоненькая, в легком платье, с двумя смешными косичками, стоит у окошка и что-то шепчет. Как потом выяснилось, Вера никак не могла запомнить теорему Больцано…

А вот Петя впервые пригласил Веру на свидание. Оба смущались, Петя даже опрокинул на себя стакан минералки в кафе, тем самым разрядив обстановку, потом стало намного проще… Шутили, смеялись.

А вот и поцелуй. Это случилось уже почти месяц спустя после первого свидания. Раньше Вера не давала себя целовать. А в тот вечер они гуляли на дне рождения у однокурсника, немного выпили, Петро провожал Веру, ну и… поцелуй состоялся. Страсть тогда захватила парня, но он не позволил себе ничего лишнего, и не позволял до четвертого курса. Верочка тогда сама заговорила о том, что хочет попросить распределение в какую-нибудь глухую северную деревню.

— А ты? — спросила она, заглядывая своему любимому Пете в глаза.

— А я всегда с тобой! — ответил он.

— Навсегда? — по-детски спросила она.

— На всю жизнь! — подтвердил он.

А потом первая ночь вместе. Верины родители уехали на дачу, она не поехала с ними, ей надо было готовиться к экзамену.

— Петь, приходи, вместе будем готовиться! — пригласила она.

Петя пришел, но подготовка была совсем не к экзамену, а к будущей семейной жизни.

Вера и Петя стали близки.

— Вот сдадим все экзамены и заявление подадим, — прошептал он, когда все произошло, нежно целуя Веру в мягкие волосы.

…Ох, и веселая же получилась свадьба! Весь курс гулял. Даже профессор Тюрин приехал поздравить. Выпил рюмку водки, вручил подарок — патефон, и отбыл, поклонившись. Автомобиль с шофером ждал его за калиткой. Свадьбу отмечали на даче у Веры. Рассвет встречали, а потом купались в теплой, как парное молоко, реке. Все вместе, вповалку, спали кто где. Девочки в комнатах, а парни — на веранде, прямо на дощатом теплом полу.

Диплом Верочка защитила на отлично, и не потому, что была беременная, а просто была хорошей студенткой.

Анютка!

Мозг Петра Иваныча пронзила мысль о детях.

— Вера, а Анюта, Алеша? Что с ними? Где они?

Сердце учителя замерло в ожидании ответа жены.

— Живы! Живы оба! — срывающимся голосом быстро сказала она. — Вот только… Анечка не разговаривает. Мы же под бомбежку попали… Петя, как страшно было… но все уже позади. А я же ищу тебя, Петя, везде письма разослала…

— Как не разговаривает? Почему? А как ты здесь, Вера? Дети где? Алешка, Аня… где они?

Петр не сдерживал слез, они струились по щекам, попадали в рот…

«Соленые! Вкус счастья тоже соленый! Как и горя!»

— Петенька, а я тут буду математику преподавать, в училище. Направили вот. А ребята наши дома сейчас. Нам комнату дали, тут недалеко, в Тихомировском переулке.

— Знаю этот переулок, — зачем-то сказал Петро.

Ему хотелось немедленно, прямо сейчас рвануть туда, где были его дорогие, любимые доченька и сынок.

— Вера, я тут с ребятами деревенскими. Вот в ремесленное их устроил. Я в деревне сейчас живу, в Высоком. Тоже направили! Там учителя не было, вот и…

В сердце больно кольнуло. Пелагея!

— Да как же это, Петя?! Мы, оказывается, совсем рядом все это время были. Высокое же недалеко?

— Недалеко, Верочка. Как же быть? Я не могу сейчас ребят бросить! Я же их привез, должен до деревни доставить. А как же Аня, Алешка…

«А Пелагея?»

— Петенька, ты теперь знаешь, что мы живы! Столько ждали! Потерпи еще совсем немножечко, и увидитесь. Ты отвези ребят и приезжай к нам, насовсем… думаю, начальство не будет против? Мы же семья! А может, мы к тебе? А? В деревню! Как хорошо, Петя! Свежий воздух, и еды, наверное, побольше, чем в городе. Найдется там мне работа? Школа большая?

Вера говорила и целовала Петю в губы, в щеки, в лоб, в волосы…

Он целовал ее в ответ, крепко обнимая! Он не хотел расстаться с ней даже на минуту.

«А Пелагея!» — снова долбанула мысль прямо в висок и в сердце.

— Вера, я отвезу ребят в деревню, — принял решение Петр, — и сразу же к тебе… к вам… Тихомировский?

— Двадцать пять! — с готовностью подсказала жена.

— А в деревню… не надо, Вера! Я сам к вам приеду… я тебе потом все расскажу! И отсюда тоже уедем! А ты мне о себе расскажешь! Ладно?

— Петенька! Любимый! А это все правда? Я не сплю? Я так ждала тебя, Петя. Мы же в госпитале долго лежали. Я без сознания была, потом тяжелая операция. Дети тоже все израненные… Как только я очнулась и могла говорить, то сразу попросила тебе письмо написать, но ответ не получила.

— Верочка! — Петр прижался лицом к ладошкам жены.

Сердце гулко стучало.

— Любимая моя, хорошая! Я приеду обязательно, сегодня же. Жди меня, Вера.

Он крепко поцеловал ее и ушел быстрым шагом не оборачиваясь.

…Деревенские ребята разбрелись по двору училища, но, увидев, что учитель подошел к телеге, собрались вокруг него.

Тимоха бросил цигарку и спросил:

— Поехали, штоль? Оформил робят-то?

Петр кивнул.

— А ты чавой такой пришибленный? — не отставал дед.

— Поехали! — решительно сказал Петро и сам первый сел на телегу.

Когда выехали из города, учитель подобрался поближе к вознице.

— Дед, посоветоваться с тобой хочу!

— Давай! Вижу, чавой-то с тобой ня то, — Тимоха искоса посмотрел на учителя.

— Дед, я сейчас в городе, в училище, жену свою встретил!

— Ох ты жа… — дед Тимофей крепко выругался.

— Детей двое! Алешка и Анютка. Живы… дед, я рад… не передать словами как… но…

— Палаша… — вздохнул Тимоха.

— Да, — опустил голову учитель. — Дед, что мне делать?

— Правду, рассказать усю правду. Так мол и так! Палашка сильныя! И хорошая. Да ты сам знашь, чавой я тебе рассказую о ей! А тебе к детям надо, к жане. Пелагея-то у тебе была, потому што ты думал, што ты один. А ты ня один. Должон к бабе своей вернутьси. Ты с ей сколько прожил?

— Девять.

— От! То-то и оно. А с Палашкой?

— Два месяца.

— От. И робята у тебе тама, а с Палашей никаво. Эх, Петька. Это ж по справедливости. Я та ня знай твою жану, някто мене она. А Палашка как дочка. Яе шибко люблю, мог бы я тебе чичас казать так: Петя, ты с Палашей должОн быть, но нет, Петро. Не кажу ентого я тебе. Потому как ня прально енто будять. Ты с жаной должон быть, с робятами. От так прально будят.

Некоторое время ехали молча, а потом дед скорбно покачал головой и промолвил:

— От на то она и война. В единый миг усе порушить можать и в единый усе построить. Для ково шастье, а для ково — лихо. Верке твоей — шастье, а Палаше —лихо. А тебе, Иваныч?

— Что мне? — встрепенулся Петро.

— Ну, лихо тебе аль шастье?

— Ой, дед, не знаю, — Петр обхватил голову и зарыдал беззвучно.

— На две части будто меня поделили. Одна к семье рвется, а другая к Пелагее. Да и к деревне я уже привык, к Настеньке, к Валентине, к тебе, к ребятам…

— Мало ли! — перебил Тимоха. — Привык он! Ишть! Ну и чавой? Отвыкнешь. Дети тама — твои! Чавой жа сиротить при живом отце? А у Палашки, значат, доля такая. Один не дождалси… ты чавой жа, хошь, штоба и твоя жана, как Палаша, страдала, потому шта ты яе ня дождалси? Живая она, вишь? Как Палашка! Живая! Ня сироти робятушек.

— Спасибо тебе, дед, что не рвешь мне душу. Не обвиняешь.

— У чем Петя? Ежеля обвинять начать, так фрицев надо. Чавой кинулиси на нас у сорок первом? — дед покачал головой. — Ты што жа думаешь, токма ты един такой? Аль Палашка токма? Да ты глянь, сколько лиха-то на земле! И сколько ишшо оно, лихо енто, изгрызет душ и сердец? А у тебе радость, Петя. Огромныя! Енто жа надо, а? Робят привез у ремеслянное. И от ведь тебе у голову-то и бахнуло жа их сюды тащить! А пошто? А потому, што у Бога усе распределено без нас. Понял? А ты — партия, партия! Можат ваша партия такой сотворить с человеком? Нет!

Дед покачал головой, прикурил цигарку и продолжил:

— Такое токма господь можат. Так што ня сумневайси, Петя. От Бога енто. А Палаша! Ничавой! Поплачеть и забудеть. А можат, и плакать ня станет. Егорку она люблит, ня тебе. Точно говорю. Вот те крест!

— Дед, спасибо тебе, — Петр горячо обнял деда. — Хоть и знаю, что наговариваешь ты специально, что не любит меня Пелагея, — все равно! Благодарствую.

— Да чавой там! Я, Петька, и сам прикипел к тебе. Но што жа делать? Ничавой ня поделаешь. Надо отдирать свою душу от Палашкиной. Пошла, родимая! — заорал дед на Ладушку, и весь остаток пути не проронил ни слова.

Часть 27

Когда въехали в деревню, Петро попросил деда Тимоху:

— Оставь меня здесь, сам дойду до дома.

Попрощавшись с ребятами, двинулся в свой тяжелый путь.

Он вспомнил день, когда впервые увидел Пелагею, как сразу сердце показало, что это его женщина.

А что же теперь? Получается, сердце обманывало? Когда пришло скорбное письмо о гибели Веры и детей, ни одним движением сердце не дало знать, что жена, сын и дочь живы. Ведь тогда сразу поверил в то, что их больше нет, и он никогда больше их не увидит.

«Что ж ты, сердце, так ошиблось?»

В таких раздумьях подошел Петр Иваныч к калитке ставшего уже родным дома. Первой к нему навстречу выбежала Настенька:

— Дядя Петя вернулся! Как хорошо! А мы с бабушкой кулеш сварили, как ты любишь.

Вслед за девчушкой вышла и Пелагея:

— Петенька, давай-ка… — радостно начала она, но тут же осеклась и продолжила уже другим голосом: — Руки мыть, и за стол.

Петр кивнул и направился к умывальнику в дальнем углу сада. Он не рассмеялся, увидев Настю, не взял ее на руки, как это делал обычно. Он не обнял Пелагею и не поцеловал за ушком.

Палаша отправилась вслед за ним, ее сердце то гулко стучало, то замирало. Она даже остановилась, чтобы выровнять его ритм.

Петя подошел к умывальнику, но вдруг развернулся и, сделав пару шагов навстречу Пелагее, обнял крепко.

— Что-то случилось, Петя?

Он лишь кивнул.

— Что? Не молчи…

— Палаша, я в городе встретил Веру. Они все живы.

Пелагея вздрогнула и тут же спросила:

— Когда ехать, Петя?

— Обещал сегодня, но могу…

— Нет, не можешь. Езжай сегодня, как обещал.

— Палаша, я…

— Петенька, я знаю, как тебе трудно! Но надо смириться! Другого решения быть не может. Настеньке и Вале я все объясню позже, а сейчас что-нибудь придумаю, а ты поешь и поезжай. Вещи не бери. Я соберу и тебе потом с дедом Тимохой отправлю. Да и вещей-то у тебя — кот наплакал, книги только.

Пелагея хотела говорить совершенно другое, она хотела плакать и громко кричать: а как же я, Петя? Я же тоже люблю тебя! Но она хорошо понимала, что не имеет права говорить об этом, а потому осторожно высвободилась из его объятий и сказала:

— Спасибо тебе, Петр, за любовь и нежность. Хоть два месяца, но я была счастлива настоящим бабским счастьем. Многим и этого не дано.

Пелагея слегка поклонилась, развернулась и, вдавливая костылями землю, направилась к дому.

Этот путь от умывальника до хаты показался ей таким длинным, просто непреодолимым. Она шла словно в забытьи, мыслей в голове не было вовсе, и лишь горячие слезы обжигали щеки. Не дойдя до дома нескольких метров, она остановилась, вытерла слезы, сделала несколько ритмичных вдохов и выдохов и даже натянула на лицо улыбку.

Зайдя в хату, она как бы между делом бросила:

— Петя поест и снова в город уедет.

Валя вскинула на нее удивленный взгляд:

— Пошто енто?

— Ой, Валь, даже не знаю точно, товарищ Заварзин попросил подежурить в райкоме.

— А-а-а, — протянула Валя понимающе, — от усе у вас, у партейных, ня как у людей.

— Это точно! — обронила Пелагея.

— Так он поентому такой грустный?

— Ну а кому же хочется второй раз за день в город мотаться?

— Так надо ему харч собрать! — засуетилась Валя. — Усю ночь, да пока завтре обернетси…

— Собери, собери… — кивнула Пелагея. Сердце рвалось на части, хотелось плакать и кричать: не вернется. Никогда не вернется.

— А Тимоха как жа? Он жа повезеть? Он иде будять? А Пете иде спать тама? — сыпала Валя вопросами.

— Валентина! — слегка раздраженно прикрикнула Пелагея. — Он в окопе на голой земле спал. Как-нибудь, не переживай. И Тимоху твоего не оставит. Не бойся.

— Да чавой жа он приехавши? — не унималась Валентина. — Сразу бы тама и остался! Гонять человека туды-сюды.

Пелагея закипала, не зная, как остановить словесный поток Валентины и чувствовала, что может взорваться. Она и так с большим трудом сдерживала слезы, готовые в любой момент вырваться наружу.

И тут вдруг пришло неожиданное спасение: прибежала запыхавшаяся Анисья и заорала с порога:

— Тетка Пелагея, Зорька тялиться начала. Да чавой-то ня так.

Пелагея мгновенно поднялась и уже через несколько секунд была за калиткой, благодаря Зорьку, которая вздумала телиться именно сегодня.

По дороге на ферму Пелагея выясняла все подробности про корову. Анисья на бегу рассказывала ей, Палаша ничего не слышала, да в общем-то, и ничего не видела. Зато Анисья заметила, что с женщиной что-то не так:

— Тетка Пелагея, да ты чавой? Чавой ревешь-то?

— А мне, Анисья, Зореньку шибко жалко, — нашлась что ответить Пелагея.

Петр зашел в хату, немного придя в себя, он улыбнулся Настеньке и Вале.

— А где же Палаша? — не увидев ее, спросил он.

— Аниська прибежала с фермы, Зорька телитси, помошь ей нужна. Чавой-то за дежурства придумал товарищ Заварзин? — перевела она разговор на интересующую ее тему. — Иде тама спать? А Тимоха как жа?

Петр Иваныч сначала растерялся, но быстро понял, что это Пелагея специально сказала, тем самым облегчив объяснения с Валентиной. Но ему вдруг нестерпимо захотелось поделиться с ней своим счастьем и своим горем.

— Степановна, — позвал он ее, — давайте выйдем на двор. А ты, Настюшка, беги к ребятам, я видел, они на берег пошли.

— Можно? — Настенька глянула на Валю.

— Ну поди, — Валя ответила девочке, с тревогой посмотрела на Петра и подумала: «Все ж таки чавой-то случилоси, и Палашка какая-то не така!»

На улице Петр долго прикуривал папиросу, огонь все время гас, руки дрожали.

— Степановна, жена моя жива! — наконец-то выдохнул он.

Валя вскрикнула и зажала рот ладошкой. Она сразу поняла все то счастье и всю ту боль, которую испытал Петр, встретив свою жену, и испытала Пелагея, когда он ей сказал об этом.

Ведь она и сама совсем недавно пережила почти то же самое, когда пришла с фронта Палаша: счастье, что жива, и горе, что ее сын не дождался свою законную жену. Палаша ей — всего лишь невестка. А это — жена!

Валентина, не в силах подавить рыдания, расплакалась и шепотом проговорила:

— Война… будь она трижды проклята! Да сколько жа ишшо будять она нас мучать?! Ведь думали, што усе! Прогнали фрица, и от она — жисть.

Валя открывала рот, но воздух с трудом проходил в ее легкие, она тут же потеряла все силы, ноги подкосились, и женщина чуть не упала. Петр подхватил ее и довел до лавки.

— Хорошай ты, Петро! — сбиваясь на шепот, проговорила она. — Передай своей жане, штоба берегла такова мужака. А за Палашу ня волнуйси! Сильная она! Справитси. Поплачем месте, и дальша жить нада. А ты иди, Петя, иди с Богом. Я тебе там харчей собрала: угости ужо жинку свою да робят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.